

КАВА*

Фрагменты из книги

Сказы – художественные фантазии по мотивам марийских мифов. Для массового читателя.

© Леонард Иванович Ибраев, 2005.
Художник – М. Шагал

Предисловие

На предлагаемое сочинение меня подвигло восхищение поэтичностью и философичностью марийских мифов. Господи! Какая роскошь! Кого не очаруют их величавая, но какая-то уютная космогония, трепетное обожание природы, младенческая жуть таинственных фантазий, житейская мудрость и детское простодушие, нежная печаль и добрый юмор, усмешка над собой здорового ума, жалостливость неожесточенного сердца – все дорогие россыпи народной души, все краски жизни, в которых эти энциклопедии марийской старины не уступают самым прославленным мифам мира.

Вместе с тем марийские мифы контрастно отличны от иных. Нет в них золотой роскоши и неги эллинов или скандинавских саг, но нет также их мстительности, коварства, жестокости, мрачного фатализма и славословий власти. Нет чего-либо подобного свирепому Зевсу, ужасному Саваофу, грозному Одину или Шиве. В их тихом мире живут такие же, как сами эти люди, добрые боги и наивная нечисть.

Вообразите мирный край необъятных лесов и лугов, где пустующих земель сколько угодно; были бы руки – будет тебе и достаток, а потому нет нищеты, хотя нет и богатства; случается страшная нужда, но идущая не от людей, а от природы: засухи, пожары, холода...; нет праздности, но нет и мучений подневольного труда; работают много, но на себя; нет величествен-

* *Леонард И. Браев.* Кава (Небо). Марийские мифы. Йошкар-Ола: МарГУ - МарПИК, 2005. – 128 с. ISBN 5-87898-301-X

ных царей, но нет и льстивых подчиненных, но все свободны. Поэтому не из-за чего здесь людям враждовать друг с другом, обманывать и свирепствовать. Здесь слава не роскоши и войне, а труду, созиданию и любви, но не сластолюбию сибаритов, а самоотверженной нежности к своим милым.

Это иной исторический уровень, иная эпоха, догосударственная. Это мифы не воинов и аристократов, а вольных крестьян.

Хотите ли погрузиться в их дивный мир? Испить его сердечности, тишины и душевной чистоты? Тогда сюда. Эти сказки для вас. В их приволье душа отдохнет от современных тревог, улыбнется, погрузит и помечтает о невозвратно минувшем.

Ближе всего к марийским сказкам подходят, пожалуй, финские руны; но даже в них нам уже являются золото, роды знатные и нищие, поденщики и рабы, зависть и злоба. Вероятно, еще ближе к такому благодатному свету и дальше от алчной грызни были древнерусские мифы о Перуне, Велесе, Яриле и прочих языческих божествах, но они были оттеснены православием задолго до того, как могло сложиться желание их записать.

Конечно, как и сказания всех народов – до своего художественного упорядочения легендарными певцами – эти мифологические сюжеты бытуют устно, отрывочными и разноречивыми местными вариантами, часто лишь слегка намеченными. Эти драгоценные мотивы я позволил себе только свести в систему, попробовал восстановить в их собственном своеобразии, по возможности очистив от грубостей и явных привнесений из ислама или православия, а, с другой стороны, восполнить кажущиеся мне пробелы и оживить своими красками, чтобы ярче заиграли их грани.

Совсем иное дело – сказания о Чимбулате, Шуроме, Акпарсе, Болтуше и тому подобных персонажах. Здесь мифы превращаются в *легенды*, дофантазированные предания о реальных исторических лицах. Здесь с монгольскими завоеваниями в мирный край вторглось государство и началась история. А это иная жизнь и иная песня. Однако в своем подлинном смысле и в действительной силе легенда звучит на драматическом фоне реальной истории, к сожалению, полузабытой, в кричащем соитии этих антиподов.

Творение мира

В чёрном небе звезды блещут и луна беззвучная сияет.

В синем небе солнце яркое играет и тихо облака плывут.

А под этим светлым небом луга зеленые пестрят цветами, росой радужной сверкают поутру, боры высокие гудят протяжно на ветру, а в них хлопочут сонмища зверей различных. Малых и больших, пернатых, голых и одетых шерстью, трусливых, ласковых, свирепых, повсюду бродят, лазают, летают. И среди них мы, люди, трудимся, живем и умираем. Как дивен этот мир!

Откуда этот мир произошел?

В начале было два океана – небо и вода. И были они бездонны и пусты. Лишь в водном зеркале отражались сияющее солнце, белые облака и ночные звезды да серая утка летала между ними. А откуда небо и воды? – никто не знает. Из созвездия Гнезда¹ слетела серенькая красавица-утка с золотистым пером и синею головкой. Воздух крыльями колыша, опустилась она на темную водную гладь и заскользила по ней тихо и хлопотливо, плескаясь и купая свою пушистую грудь. Здесь снесла мать бога два яйца и согрела их под своими крыльями, одно – под правым крылом, другое – под левым. Из тех яиц вылупились два селезня, один – степенный красавец, отливающий зеленью и синевою, – Юмо², другой – вертлявый чернявый Ён³.

Жили себе птицы – жили, но вот скучно им стало. Нырнули братья под воду и подняли со дна в клюве земную твердь. Юмо достал привольные равнины, а Ён поперхнулся и выплюнул каменные горы да вязкие болота. Вышли птицы на сушу, встряхнулись, сбросили перья, встали на ноги, выпрямились во весь рост, взмахнули руками, обзавелись семьями, заговорили, и стали жить в новом облике.

Шло время. Как-то огляделся Юмо вокруг. "Однако что-то пустынно в мире", – подумал он, позвал к себе своего сына

¹ У греков – Плеяды.

² Бог, букв. – дыхание, дух

³ Букв. - шустрый, находчивый.

Пиршо ⁴ и велел ему:

– Да прорастет земля травой, кустами и деревьями, цветами и плодами.

Предопределил Пиршо – и зазеленела, и зацвела земля. Поднялись на песках медноствольные сосны и темнозеленый можжевельник, на низинах – кусты и темные ели с пестрыми шишками, по рвам – березы и рябины, на жирных почвах вдоль рек – огромные развесистые дубы и липы, на берегах – ивы и ракиты, во влажных долинах – черемухи.

Похорошела земля. "Но еще чего-то не хватает", - подумал Юмо и населил земные кущи зверями и птицами – и закишели они всякой жизнью: поползли по низу мелкие твари, наполнились леса зверьем, полетели в поднебесье пернатые, – и стал мир прекрасен.

Осмотрелся бог и залюбовался своим созданием. Веселее стало ему.

Так завелись в мире животные. Появиться-то они появились, но как им жить, не знали.

Вот собрались они на совет. Последним, запыхавшись, приковылял от Ена его коротконогий друг еж, а, перебираясь через кочку, скатился вниз головой. Звери захохотали. Обиделся еж, фыркнул, и ушел, что-то ворча себе под нос.

– Что такое говорит еж? – забеспокоились звери и отправили за ним лису:

– Ты, видим мы, самая хитрая, пойдй – подслушай, что это такое еж бормочет.

Неслышно покралась лиса за ежом.

Слышит, он семенит и твердит:

– Чтоб вам все криво стало! Пусть все деревья растут кривыми, и весь лес – кривой, и все реки будут кривыми, и все дороги – кривыми, и все лапы у вас – кривыми, и весь совет ваш пусть идет вкривь и вкось.

И вот ведь чудо: сбылось проклятье ёнова друга. Так и повелось на земле, все стало кривым. Только у ежа на спине иглы прямые.

И совет животных не пришел к согласию, как им жить. Все

⁴ Букв. – судья – судьба.

хотели есть, но никто не хотел, чтобы его ели. Долго обсуждали, дикий спор и гвалт подняли, но приемлемого решения так и не нашли.

Отправились животные за решением к Юмо.

Бог подумал и установил вечные заповеди живому.

– Ты, лось, уж очень велик. Тебе лучше никого не трогать, а кормиться свежими побегами и корой деревьев да лесным бурьяном. От этого никому худо не будет.

Длинноухому пучеглазому зайцу велел:

– Уж больно много вас, косых. Будете щипать травку и грызть прутья и кору. Да лишней коры чур не грызть, чтоб лес не сох.

Вынырнул из заводи бурый бобр:

– А мне что есть?

– Да и тебе пища будь та же.

Заволновались лебеди, гуси, утки, загалдели – загоготали – закрикали:

– А нам как? А нам как? У нас же нет зубов, чтоб грызть и тереть кору да прутья.

– А вы умеете хорошо плавать. Вот и ешьте водную ряску. Достать вам ее легко, а вреда от этого тоже никому нет. Наоборот, реки и озера будут чище.

Белке бог посоветовал:

– Ты, пушистая, ловко скачешь по деревьям. Тебе удобно собирать и есть семена из шишек, орехи да грибы.

А лисе сказал:

– Ты, рыжая, страшно хитра. Вот кого обхитришь, того и съешь. Чтоб простофиль на свете было меньше. Тоже хорошо.

– А мне что есть? – заскулил голодный волк.

– Ты, серый, – быстр, силен и зубаст. Разрешаю тебе есть, кого догонишь и осилишь, - хворых и старых. Чтоб зря не мучались.

Черный ворон захрипел – закаркал:

– А мне как – как?

– А тебе пусть будет вся падаль: кто умрет или что выбросят, то и твое.

Серой сове бог сказал:

– Тебе, так и быть, разрешаю съесть одну птичку или мышь

на день. Чтобы не зазевывались.

Заскрипела сова:

– Это шибко уж мало для меня. У меня и так голова зябнет.

– Тогда охоться по ночам, а днем сиди – спи.

И подарил ей бог на голову пуховую шапку. С тех пор сова стала видеть в темноте, а днем прячется в дупле, засунув клюв в свой пух.

Вкусили животные завещанной им богом пищи и стали сыты. И установилось в живом благолепии. И благословил Юмо свое дивное творение.

Творение человека

Но увидел бог, что почему-то еще чего-то не хватает в мире. Тогда Юмо вылепил из глины по своему подобию человека.

Правда, мнения о начале мира разнятся. Некоторые мудрые считают, что Юмо вовсе не создавал человека, а люди существовали всегда. Кто его знает? Даже сами карты⁶, ведающие о происхождении вещей, - и те об этом спорят. Но если подумать, как люди могли быть прежде самого бога? Откуда же тогда они? Не иначе, это байки завистливого Ёна.

А на самом деле было так.

Слепив человека, Юмо посмотрел на него: прекрасен он. Порадовалось божье сердце, но одно огорчает: лежит человеческое тело мертвое, бездыханное – без души и недвижимо.

Отправился Юмо искать ему душу, а на охране оставил собаку и кошку. В те времена было на земле тепло, так что собака и кошка обходились без шерсти, жили голыми.

Разобрало Ёна любопытство:

– И что там такое сделал мой брат?

Стал он подбираться, высматривать, но собака его учуяла – зарычала и отогнала.

Тогда Ён подговорил змею:

– Друг мой, змея, ползаешь ты неслышно. Проползи, любезная, разузнай тайну, что такое затеял опять мой чудаковатый братец.

Извиваясь, беззвучно заскользила зеленовато-черная змея в траве, но кошка все же услышала ее шелест, прыгнула, схватила ее и разорвала.

Ох, и обозлился Ён.

Кликнул он злющего духа ветров Мардежа⁷. Задул-завыл Мардеж, гудит – бушует в лесах, напустил на мир лютый мороз. От свирепой стужи оледенела вода, оцепенели деревья и горы, только треск стоит. Голая собака насквозь окоченела, дрожит – погибает, откусывает у нее Мардеж уши и лапы. А Ён дразнит беднягу, показывает ей меховую шубу:

– Милый пес, пусти меня только взглянуть, что такое сделал Юмо. Дам тебе за это шубу – смотри, как в ней тепло.

Не выдержала собака, подумала: "А что плохого случится от одного-то взгляда?" – и в обмен на шкуру позволила Ёну приблизиться.

Очень не понравилось кривому и лохматому Ёну человеческое тело – и плюнул он на него:

– Тьфу! Совсем не похож на меня, красавца! Весь в этого урода Юмо.

И от ядовитой слюны злыдня покрылось человеческое тело язвами.

Вернулся Юмо, принес для человека дыхание – душу, но увидел порчу на его теле, осквернение того, над чем так любовно трудились его руки, и сильно расстроился:

– Ой-ой-ой! Как набезобразничал Ён!

Но что делать? Вывернул бог человеческую кожу наизнанку, язвами внутрь. Вот оттого-то люди и страдают от недугов и зла.

Приник Юмо к устам своего создания и вдохнул в него душу – и ожил человек и встал перед своим создателем. Залюбовался творец своим трудом и сказал:

– Как он прекрасен! Весь по подобию моему. Пусть же будет человек велик и счастлив, владыкой всего живого на земле. А кто убьет человека, тот и сам вскоре примет смерть.

Таков был вечный завет бога.

И стало так.

Но когда улетает душа человека, он, сделанный из праха, возвращается в прах. Остаются от него только грязь да кости.

Потом повернулся Юмо к назначенным им стражам людей и сказал:

– Ты, кошка, за верную службу будешь жить в жилище хозяина, спать рядом с ним на его ложе и есть то же, что и он.

И стало так.

– А ты, собака, за измену будешь жить на холоде, терпеть пинки и питаться отбросами.

С тех пор тяжела собачья доля, но нет у человека друга вернее собаки. Смотрит она на нас виноватыми глазами, полными горечи и любви, хвостом виляет:

– Простил ли ты меня, человек? Бог велел мне тебя охранять, а я не уберегла тебя от хворей и зла. Прости мне минутную слабость. Больше она не повторится.

И нет на свете ничего больше, чем собачья преданность.

Куда там кошке. Как она избаловалась! Как важничает. С каким холодным высокомерием смотрит на нас. Как протяжно зеваёт во всю свою розовую пасть.

А как же? Кошка же – спаситель рода человеческого.

Сказ о Вóдыже

Ожили люди, но вот беда – есть хотят.

Как прежде звери, пришли они к Юмо, жалуются:

– О великий бог, всем земным тварям ты определил, как им жить. А как же нам жить? Чем питаться? Ведь у нас нет ни быстрых ног, ни копыт, ни когтей, ни крыльев, ни рогов, ни клыков. Да и тело у нас голое, холодно нам.

Почесал бог в затылке.

И в самом деле, что людям есть?

Для коры и травы зубы у них плохи. Догнать и осилить ко-

го-то – ноги и руки слабы.

Дал им Юмо хлеба огромный каравай.

Много дней они его ели, но вот кончился каравай. Опять пришли люди к богу голодные, просят пищи:

– Боже, хлеб наш насущный даждь нам днесь.

– Экие дармоеды, однако, получились, – подумал Юмо, – Так от них покою не будет. Надо что-то придумать, чтобы они сами себя кормили.

И послал Юмо к людям учителем своего сына – человеко-лося Водыжа⁵, покровителя созданных его отцом лесов и лугов, рек и озер.

Кто видел, рассказывают, и сам Водыж похож на лося: такой же высокий, горбоносый, губастый и длинноухий, с темной гривой на темени и длинной жесткой бородой над волосатой грудью.

Любит он гулять по своему зеленому приволью – пестрым цветистым лугам и звонким тенистым рощам. Когда Водыж идет по ним, любясь, радуясь и играя на гусях, ликует его чудные звоны, звери замирают, чтоб их слушать, луговые цветы приветливо смотрят на бога, а сосны, березы, липы и дубы нагибаются в поклоне своему защитнику. Друзья Водыжа – лоси, быки, козлы, овцы приветствуют его бляением, скачут и бродят за ним по лесам и лугам.

Путника, если он добрый человек, добродушный Водыж незримо хранит в дороге, указывая ему путь, а скверного человека он сбивает с пути и нагоняет на заблудившегося непонятный ужас.

Исполнил Водыж поручение отца, научил людей делать лодки, леску и крючки, плести сети и таскать в воде невод, ловить полосатых горбатых окуней, серебристых лещей и яззей, золотистых красноперых карасей, острорылую усатую стерлядь, седых зубастых щук и длинных налимов, зеленых скользких линей и темных жирных сомов.

А еще научил Водыж людей делать тугие луки, длинные стрелы и охотиться, а из шкур шить себе теплую одежду мехом внутрь.

⁵ Водыж – собственное имя скотского божества. Близок к Велесу.

И сказал Юмо людям свой новый завет:

– Вот вам, мои любимые, орудия и уроки. Кормите теперь себя сами. Все растущее и движущееся на земле и в воде даю вам в пищу.

И увещевал:

– Но лишнего не берите и друг друга не троньте, чада мои. А кто убьет человека, тот и сам вскоре погибнет.

Так стали люди рыбаками и охотниками и зажили в достатке, бродя по необъятным лесам и плавая по тихим рекам и озерам, слушая шум ветра в вершинах деревьев, любуясь румяными зорями и закатами и почитая праматерь Утку, великого Юмо и его сыновей Пиршо и Водыжа и их заповеди, и были счастливы.

Сказ о Пиршо

Сказывают, стала жизнь хорошей, но все же в непогоду голодали люди. Много ли наловишь рыбы зимой, когда реки и озера покрывает толстый лед? Как охотиться в долгие дожди или весеннюю распутицу, когда снег тает и кругом стоит непролазная слякоть? Вот иссякнут запасы – и режут дети, прося есть, размазывая по щекам слезы, но матерям нечего им дать и хмуры мужчины.

Видя людские страдания, опечалился Юмо и задумался: что же делать? Целый день ломал бог голову, пока не попался ему на глаза его сын – жизнетворец Пиршо.

Когда вечером опускаются сумерки и зеркальный месяц выплывает в небе, величавый Пиршо сходит на землю и погружается в раздумья о путях людей и всего живого. И цепенеет тогда мир в особой тишине. Не шелохнется и былинка. Замирает

все на свете, сиюсь расслышать мысли бога-предопределителя о своем будущем.

За мудрость стали величать Пиршо еще богом мудрости – Сакче. О хороших людях говорят:

– Умен, как Сакче. Добр, как Сакче.

И решил Юмо послать своего мудрого сына научить людей новой божьей заповеди – работать – уподобясь богу, самим творить жизнь: бороздить и боронить землю, из которой они сделаны, сеять в нее и выращивать на ней себе на пропитание зерно и овощи, жать овес, ячмень и просо, вязать и молотить снопы, молоть и веять зерно в муку и печь вкусный хлеб, лепешки и блины, делать прохладный квас и веселые пиво и бузу.

Сыты стали люди и благодарили рыжебородого Пиршо за научение.

Но труд был тяжел. Одному из людей Елагаю уж очень не понравилось в поте лица есть хлеб свой. Пожаловался он Юмо:

– Боже! Как тяжек труд! Все-то тело от него болит. Почему звери не работают, но сыты, а люди должны работать? Чем мы хуже зверей? Где справедливость? Дай мне, боже, хотя бы такую работу, чтобы можно было выполнять ее лежа.

Внял несчастному добрый бог, дал лежебоке, что он просил:
– Будь по твоему, сын мой.

И покрылось все тело Елагая болячками, лежит он целыми днями и ночами, охает, мается и без конца лечится.

Он него и произошли все лентяи. Не хотят они быть подобными трудяге-богу, вот и уподобляются черту.

Избавление от Ена

Так, слава богам, научились люди выращивать хлеб, скот и птицу – и зажили в трудах и достатке, хотя встарь землю и не пахали, а просто бороздили сучковатым бревном, жали ножом-кинжашти и жили в избах курных, с потолком черным от бахромы сажи, потому что печь была без дымохода, похожая на очаг для костра в бане, с подвешенным на крюке котлом, а дым выходил в отверстие в потолке. На окна тогда вместо стекла натягивали бычий пузырь, или тряпку, или бересту. Это потом Юмо подсказал, как делать соху и плуг, серп и большую кирпичную печь с трубой.

И все же были люди вполне счастливы, если бы не окаянный Ён. При всяком случае пакостит враг народа. То подобьёт Мардежа угнать дождевые тучи и такую сушь устроит, что все посева посохнут. То, наоборот, спрячет солнце за тучами и дождями – холодами сгноит урожай. И опять плачут голодные дети и не знают люди, как себе помочь. То пожары напустит, то болезни.

Не мог добрый Юмо спокойно видеть Еново глумление над своими созданиями.

Лопнуло, наконец, у него терпение, и решил он избавить их от скорбей, остановить лиходея.

Три дня и три ночи думал премудрый, подперев лоб рукой, и придумал-таки способ, как обезопасить людей от его козней. Была это хитрость беспримерная.

Как-то на прогулке показал он Ену черный провал в земле:

– Знаешь ли ты, братец, что там такое таится?

Разобрало неугомонного Ена любопытство:

– А давай сходим – посмотрим.

Спустились они в подземелье. Темно там и холодно. И оказалось подземелье бесконечным, потому что сколько они ни пробирались по камням и обрывам, никакого конца не встретили.

Во время подземного странствия скинул бог незаметно один из своих башмаков, а когда они выбрались на свет, посетовал о потере:

– Ой-ой-ой. Потерял я там один свой башмак. Ой-ой-ой, но тогда зачем мне этот второй? Сделаю лучше новые.

И с досадой его отбросил.

Не имел Ен терпения и сноровки смастерить себе обувь и давно зарился на братину, босой ходил. Подскочил он, поднял, повертел, залюбовался:

– Ах, какой, однако, справный башмак! И тебе не нужен? Пойду-ка вернусь, поищу другой.

Только Ен спустился в провал, Юмо тут же быстро задвинул вход большущим камнем, – с целую гору, запер злыдня в мрачном подземелье.

– Сиди там, окаянный! Не будешь больше никому вредить!

Так-то были люди избавлены от лихого Ена и вздохнули с облегчением:

– Спасибо тебе, наш великий творец, учитель и спаситель Юмо! Заживем теперь без печали.

С тех пор Ён хозяйничает в подземном мире, хотя и наверх исхитряется выбираться сквозь щели в земле – тоненькими тенями – призраками.

Вознесение Юмо

А почему же великий бог живет не на земле, вместе с людьми, а далеко на небе?

То-то и оно, что первоначально добрый Юмо остался с людьми. Жил он рядом с ними как белый свет и во всем помогал. И были те времена самыми счастливыми.

В весенний яркий день выгоняли люди скотину на выпас. А в те времена на лугах сочная зеленая трава поднималась выше головы – скотина была тучной и бессчетной. На полях колыхались овес, ячмень и рожь не нынешние, с одним колоском, а ветвистые, колосья у них наливались по всему стеблю от самых корней и до макушки.

Но без Ена пресытились люди изобилием, избаловались, возгордились и перестали ценить блага и уважать благодатного Юмо, блюсти его заповеди, потеряли праведность и разум.

Дошли до того, что кусками хлеба стали кидаться – и, видя это, огорчился и хмурился бог. А однажды грязнуля - баба Пулагя, нянча младенца, подтерла лепешкой ему зад да с размаху прилепила ее к Юмо, осквернила и святой хлеб, и великого бога.

Потрясён был Юмо таким святотатством и неблагодарностью. Задыхаясь от обиды, бросился он к полям и стал рвать колосья с хлебов. Завыла собака, сторож людского добра, умоляя бога оставить на пропитание хотя бы один колосок на стебле. Сжалился Юмо – и не тронул последний колосок на верхушке. С тех пор и обеднели люди и питаются собачьей долей хлеба.

Но оскорбленный Юмо решил уйти от неблагодарных людей и поднялся в заоблачную высь, под крыло своей матери – Утки и стал небом, высоким и широким. Открылся тогда край верхнего света и семь дней и ночей стоял в заоблачной выси грохот – это Юмо взбирался на седьмое небо.

На пути бога от центра земли к вершине мира – Северной звезде⁶ остался единственно неподвижный незримый небесный столб – ось вселенной. Вокруг нее каждые сутки обращается черное небо – темные воды небесного озера и небесная твердь, и смеется хороводом звезд, шествует по кругу небесный лось, ви-

⁶ Полярная звезда.

димый нам как семь ярких звезд, созвездие Лося⁷, летит птица Юмо – лебедь белая, расправив лапы, и садится на этот столб отдыхать под небесными березой, дубом и рябиной, кружат небесные бараны – бекасы, голуби, ласточки и прочие небесные обитатели.

Сказывают, что висящий над нами Звездный путь⁸ – это мерцание небесной реки или дорога гусей, белые пуховые перья, которые оставили летящие на юг гуси и лебеди, чтобы их оставшие братья могли найти свою стаю.

Но если подумать, могло ли такое быть?

Нет, на самом деле было иначе. Встарь мужики вместе с Юмо охотились на всякую небесную живность. Вот с тех пор и остались на небесах сверкающие следы их лыж и саней.

Испугались люди, когда их могучий покровитель Юмо уходил от них вверх.

Возведя очи к небу, стояли они, и голос их раскаяния и страха вопиял от земли, взывая великое имя Всевышнего:

– О Юмо, творец наш, благодетель и заступник, прости нас беспечных и не покидай нас, твоих чад! Без тебя умножатся наши скорби и кто спасет нас?

Так все семь дней и ночей люди плакали, каялись и умоляли бога не оставлять их.

Но не внимал и не отвечал всевышний на стенания народа.

Только на седьмой день донесся с вышины голос, подобный дальнему рокоту грома:

– Чада мои любимые, вижу – раскаялись вы. Желание быть мудрым – уже шаг к мудрости. Вижу вашу скорбь. Люблю я вас – и больно мне слышать ваши печали. Потому прощаю вас. Успокоилось мое сердце. Буду я и впредь оберегать вас и помогать вам. Но жить останусь здесь, вверху, далеко от вас, дабы не трыяли вы ко мне почтения.

Поселился Юмо на седьмом ярусе неба.

Живет он там вместе с любимыми домочадцами в просторной и тёплой избе, охотится и пашет.

Бессчетны у него стада тучных коров, быков, лошадей,

⁷ Большая медведица.

⁸ Млечный путь.

овец. В амбарах его закрома полны зерна и муки. В его кладях – горы припасов, в подполье – бочки пива и медовухи. Вместо лошадей вокруг Северной звезды ходит теперь небесный конь – это Юмо его погоняет, пашет небесную твердь, а вместо лебедя ходит теперь по кругу небесная корова и небесный баран – пасутся.

Между тем жена бога – статная величавая Мландава⁹ хлопочет по дому: раздувает в печи огонь, варит кашу с мясом и печет вкусные лепешки, пол метет и моет часто и чисто, искусно ткёт и белит холсты, стирает одежды.

Одна беда – если начнет тараторить с соседками – болтушками у плетня или у калитки, все дела забудет.

Очень любит она своего милого Юмо и ревнива – страсть. Но хитра, управляет им так, что он и сам не замечает. Как все бабы, при случае вздорит с мужем, иногда даже на совете богов, пока бог вконец не рассердится, грозно глянет на нее. Тогда она прикусит язык, умолкнет.

Именно Мландава ведаёт землёй. Если она огорчена и забывает землю, начинается засуха: травы на лугах и хлеба на полях жухнут, почва трескается, листья на деревьях желтеют и облетают – тянутся к небу их голые черные ветви, замирает жизнь, все голодают. А если Мландава довольна, из туч льют дожди, из сырой земли поднимаются высоко стебли, зеленеют луга и деревья, наливаются на полях хлеба.

Кроме того, Мландава охраняет счастье семьи, покровительствует супружеству и родам. В этих делах за помощью надо обращаться к ней.

Вместе с Юмо и Мландавой в избе живут их дети – двенадцать дочурок, одна другой милей и краше, и сыновья – веселый Тайдемар и светозарный красавец Кугече. Правда, приходит он со своего солнечного дежурства только на ночь, спать.

В соседней избе живет их старший сын – рассудительный кряжистый хлебороб рыжебородый Пиршо, покровитель всех мужицких дел, а с ним – его хозяйственная жена и их сын – работяга добродушный великан Онар.

⁹ Букв. мать земли. У древних русов Мокошь.

Недалеко изба небесного кузнеца Кидырчо¹⁰, бородатого широкогрудого силача. Зажав могучими руками клещи и молот, кует он небожителям сошники, ножи, топоры, подковы. Взял его Юмо на небо за великую заслугу: придумал он и научил людей ходить осенью по льду на болото и там, под елями с сухими вершинами, рубить прорубь и черпать со дна деревянными лопатами бурые комья руды, класть их в горн, качать меха – раздувать через поддувало огонь Тулерта, а когда в ярком пламени горнила от жара железо размякнет, как тесто, и закипит – взмолятся о пощаде, вытаскивать его из огня, класть на наковальню и бить молотом, сбивать в крицу и ковать все, что надо в хозяйстве.

Трудяга Кидырчо степенен и благодушен, но лучше его не задирать.

В окрестных избах живут другие святые труженики: Сайен и Сави, Таир и разные божества¹¹ – друзья и товарищи Юмо. Много их. Всех мы и не знаем. Не бывали там наверху.

Не всегда Юмо добродушен.

Когда в грозу мрачнеют облака и их раскалывает ослепительный огонь молний, а где-то над тучами раскатывается оглушительный треск и грохот, так что звенит в обоих ушах, тогда люди на земле пугаются: кто это такой огромный и страшный над тучами извергает огонь и гром?

А это великий Юмо сердится на чью-то несправедность и вместе с Кидырчо перекачивает в небе огромные камни, раскалывает их с жутким треском и грохотом, сбрасывает огненные камни вниз, на землю, и поливает её водой из своих надоблачных огромных бочек.

Вот ведь как могуч Юмо.

После грозы знающие люди собирают эти молниевые камни – белую гальку и красные кремни и делают огниво для вызывания Тулерта: когда надо зажечь себе огонь, высекают из них маленькие молнии – искры.

Понятно, тяжело катать и дробить в небе камни, метать осколки на землю и поливать её водой. Поэтому-то и помогает

¹⁰ Букв. гром. У древних русов Перун.

¹¹ Юмын.

богу небесный кузнец Кидырчо. Когда всевышний в отлучке, он и один творит грозу. Иногда они привлекают к этой работе некоторых покойников, их тех, кто достоин такого почётного поручения.

Что говорить, трудно богу следить за всеми людскими делами и управляться со своими божьими заботами, ой, трудно. Завел он среди божеств помощников себе и сотрудников в небесном совете.

Одно неладно: вечно небожители спорят друг с другом, кто лучше знает земную жизнь и лучше понимает, что делать. Рассердился как-то Юмо и столкнул половину из своей небесной братии на землю:

– Раз вы считаете себя такими умными, то катитесь вниз, ближе к людям, живите рядом с ними и помогайте им там, каждый бог по силе своей. Вот ты, Водыж, – хранитель лугов, лесов, скота и усадьбы, так и живи там. Ты, Тулерт, дух огня, будь хранителем очага в жилищах людей. Ты, Суртерт¹², храни избу и двор. Ты, Агунерт будь духом овина. Ты, Кудерткува¹³, живи на чердаке избы и будь помощницей хозяйке в ее бабьих делах, если она опрятна и трудолюбива.

И другим божествам распределил бог, чем им лучше ведать на земле.

Вот почему иногда и нам встречаются эти духи, окутанные туманом. То в глубине печи блеснет шустрый Тулерт. То из потемок в хлеву из угла глянет бородатое лицо Водыжа. То в овине под шестами, на которых сушат снопы, зачернеет Агунерт. То ночью по избе разносятся непонятные стуки – это по ней бродит добрый домовый – Суртерт. То с чердака доносится тихое жужжание – слышали? – это Кудерткава прядет там свою пряжу.

Тепло на сердце оттого, что вокруг нас так много добрых духов – наших хранителей.

Спасибо пославшему их Юмо.

Уважать надо своих незримых друзей. Кто почитает своих заступников, того и они берегут.

¹² Дух крестьянского хозяйства, двора, усадьбы.

¹³ Невидимая старуха - хозяйка кудо - летней кухни за домом.

И особое благоговение Юмову Небу. Как громадно и прекрасно оно! Лазурный мир солнечного света и тепла, где нет земного зла, где все обратно мраку и холоду подземного и подводного миров.

В безветренное утро, когда не шелохнется ни листок, ни былинка, нам бывает слышно сверху пение неба. Умой тогда лицо чистой родниковой водой – и будет тебе лёгкость и удача в делах.

Конечно, ныне-то редко люди бывают на небе. Только самые лучшие, кого призвет бог.

А в старину, сказывают, небо было низким и близким. С высокой ели вполне можно было до облаков дотянуться. Да непочтительные люди испортили эту близость.

Сказывают, как-то в пасмурную погоду все та же Пулага повесила на облако сушиться грязное белье – чтоб, значит, было оно поближе к солнцу.

А на том облаке как раз плыли боги, в зачарованном молчании слушая дивную игру Кугече на гусях. И вдруг на тебе – на пути веревки с мокрыми портянками и пелёнками. Понятно, не понравилось это богам, фыркнули они и подняли небо высоко-высоко.

Вот с тех самых пор люди попадают на небо главным образом после смерти. Так-то.

Кугече и береза

Сказывают, когда-то береза была прекрасной девушкой по имени Куэ, а потом превратилась в дерево. А произошло это так.

Как-то раз вертлявый Ен по старой памяти заглянул на огонек в гости к Юмо, да давай восхищаться солнцем и попросил подарить ему его. Добрый Юмо не мог отказать гостю – и настала на земле вечная ночь, а Ен в потемках совсем распоясался в своих лихих делах.

Заплакали звери и люди, стали жаловаться Юмо. Одумался

бог. Только как вернуть солнце? Неприлично ведь забирать назад подарок. Наконец, нашелся бог, тоже пошел он в гости к Ену и попросил у него в подарок тень.

– Ты, Ен, хозяин темной ночи, так подари мне хотя бы тень.

Согласился Ен, стал ловить тень, хватал-хватал – не может никак ее поймать. Как ни хлопнет лапой, каждый раз тень оказывается сверху.

– Ах, ты не хочешь подарить мне тень? – воскликнул возмущенно Юмо. – Ну, тогда и я заберу у тебя свой подарок.

И забрал у Ена солнце. И стало снова светло. Возрадовалось все живое. А бог отдал светило караулить своему младшему сыну – красавцу Кугече¹⁷. Мстительный же Ен затаил злобу.

Держа солнце, плывет божественный Кугече по небесной лазури. Золотые стрелы его лучей сверкают, как искры, несут свет и согревают землю и все, что на ней растет, цветет и живет, темнят колосья в желтеющем поле, врачуют болезни, разгоняют мрак и разят злые силы.

Но не стоит сердить бога-целителя. В обиде может он и отвернуться – и придут тогда засухи, язвы, пожары и опустошения.

Однажды светозарный Кугече, любуясь плывущей внизу под ним землей, увидел на околице деревни пригожую девушку с длинной русой косой и в расшитом белом платье. Юная и ласковая, стояла она на пригорке и весело смеялась, жмурясь от солнечного блеска.

Очарован был ею молодой бог. Запел ей Кугече ликующую песню восхищения и любви. Таяло от нее девичье сердце, и тоже полюбила она плывущего в небе красавца.

Заметил их счастье ядовитый Ен и в отместку залял девушку:

– Будь же ты, Куе, холодным и безгласным деревом!

И обратилась милая девушка в березу, ее белое тело, закутанное белым платьем, превратилось в белый ствол, ее длинные золотые волосы – в длинные ветви. Качаются они на ветру, как косы, шелестят листвой – шепчут о ее бессмертной любви к прекрасному Кугече.

Однако бессильны были Еновы чары полностью одолеть красоту, сердечность и трудолюбие Куе. Стала она деревом, но самым красивым и добрым в мире. Дает она людям самые жаркие поленья для согрева дома, самую длинную лучину – для его освещения, самую лучшую кору для его кровли, незаменимую бересту, чтоб делать люльки для младенцев, кузовки, лукошки и заплечные короба для сбора ягод, грибов и орехов и туески, в которых квас душист и прохладен даже в жару.

Нелегко березоньке это служение людям. Иногда она сетует на свою горькую долю:

– Ох, лихо мне девице быть березою. Как весной в мой белый ствол ребятишки вонзают нож, цедают из меня и пьют мой сладкий сок. Летом у меня, бедной, обрезают люди ветки и вяжут из них веники для бани. И круглый год сдирают с меня

кору на всякие поделки – и стою я на морозе голая, замерзаю, горемычная. А потом приходят мужики и срубают меня топором и прощаюсь я с жизнью навсегда.

Знают люди, что деревья живые и страдают. И жалеют они березу, почитают ее и просят прощения:

– Ты прости нас, милая березонька, за наши раны тебе. Не со зла раним тебя, а от великой нужды. Жалеем мы тебя, наша благодетельница, и почитаем. Но не можем мы обойтись без тебя, ни согреться, ни есть, ни пить.

И жалеет береза людей, ведь они ее родичи. И отдает им всю себя с жертвенной любовью женщины: пусть им будет хорошо.

А небесный Кугече плывет в синей высоте и никак не может забыть чудесную нежную девушку. Куда она подевалась?

Каждый день разглядывает он мир в поисках ее. Видит он много девушек хороших, но своей милой Куе не находит. Оттого-то и раскачивается небесный путь бога: полгода ходит он, досматривая, над южными землями, полгода – над северными.

Осенью Кугече отлетает дальше к полуденным краям – и тогда мало солнечных лучей достигает нас. Они только светят, но не греют. И осыпаются листья с деревьев, наступают морозы, и все засыпает снег.

Но тщетны поиски бога. Не находит Кугече на юге своей милой и весной возвращается к нам – и тают снега, бормочут звонкие зеркалистые ручьи, сверкая в его лучах. Светлым зеркалом разливаются реки, неся белые льдины. И снова зеленеют луга, леса и поля. Возрождается жизнь – и радуются люди приходу солнца.

Еще в середине зимы, в морозный январь, звездное небо начинает наклоняться в другую сторону – и Кугече поворачивает назад, к нам. И веселеет народ, чувствуя лучезарного на празднике Шорыкёла ¹⁴.

Встречаясь, все поздравляют друг друга:

– Слава Кугече. Половина зимы минула. Медведь в берлоге переворачивается на другой бок.

Из дома в дом со звонкими песнями ходят гурьбой по де-

¹⁴ Праздник солнцеворота, накануне Святков и Нового года.

ревне парни и девицы в вывернутых мехом вверх шубах, мешках и мочалах, ряженные под старика Васи, под козла, под солдата, под медведя, показывают хозяевам свое умение плести лапти, прясть и другое мастерство, дети – умение спеть-сплясать, а хозяева угощают ряженных орехами, пивом, пряниками и другими сладостями и одаривают припасами для девичьих посиделок.

Днем по всем семьям проводят в банях омовение – священное очищение от старой скверны, а потом торжественно устраивают общее моление в честь долгожданного Кугече.

А вечером народ собирается в чьей-нибудь избе на посиделки: пьют пиво и медовуху, угощаются, поют, пляшут с кривляньем, резвятся и со смехом и визгом играют в угадывание и в жмурки со штрафными поцелуями и выдумывают всякие другие забавы. С полатей, глаза на них, свешиваются хохочущие головы ребятишек.

Само собой, девицы затевают гадание о самом волнующем – каким будет суженый. В жуткую темную полночь крадутся они в хлев и хватают за ногу овцу. Какая на ней попадет шерсть, светлая или темная, таким и жених будет.

Степенный народ больше занимает другое гадание – каким в новом году будет урожай и приплод у скотины. Они дергают овец и трясут яблони, коноплю, серпы, косы и все добро, чтоб оно множилось. Утром все вываливают из избы на мороз, идут на гумно или в поле и дружно сгребают лопатами снег в кучи. Кто не знает? Сколько наберется снежных куч, значит, столько Кугече принесет и стогов хлеба.

После Шорыкёла еще четырежды справляют люди праздники почитания солнца.

В начале сияния и таяния снегов – на Масленицу¹⁵ лакомятся блинами, такими же круглыми и румяными, как солнышко, и отдаются общему гулянию и дети, и молодые, и пожилые. Веселятся на качелях и катанье с горы и носятся по порыжевшим дорогам на лошадях с высокими раскрашенными дугами, с бубенцами и цветными лентами в гости к своякам и всякой родне, а в завершение праздника под смех и веселье сжигают соломенное

¹⁵ Января – масляная неделя.

чучело зимы.

Через семь недель в половодье на торжество, так и величаемое Кугече¹⁶, творится его новое подворное чествование с прошениями богам, угощениями их лепешками и пивом, с зажиганием свечей и народным гулянием.

А когда подсохнет земля, перед самым севом справляется Агавайрем¹⁷.

Мальчишки, идя по всей деревне из конца в конец, хлещут рябиновыми прутьями по дворовым строениям и изгородям, изгоняя злых духов Ена, а на околице жгут эти прутья и устраивают игрища.

А мужики, принарядившись, собираются в поле или в березовой роще на моление.

После благодарностей и просьб богам на полянах катают вареные яйца и кидают их через священные деревья, отчего в них заводится чудесное жизненное начало, и, если в сев их разбросать по полю вместе с посевным зерном, то урожай непременно будет таким же крупным. Обнадеженный и просветленный возвращается народ домой, отводя душу в веселом соревновании в беге и в верховой скачке от рощи до деревни.

А летом перед днем самого высокого подъема солнца празднуется Семик¹⁸, поминки умерших родных.

Молодежь всю ночь проводит на лугах в хороводах и играх, жжет костры, плетет из веток большие круги, поджигая их, скатывает с горы и прыгает сквозь эти огненные колеса – образы великого светила.

Ну и, конечно, на всех праздниках люди пируют, поют и пляшут.

Так с середины зимы полгода чествуется бог солнца. Оттого-то и стал Кугече покровителем зимних занятий: плетения, плотничества, гончарства, ткачества, валяния валенок и других ремесел и вместе с тем – покровителем праздников.

А брат Кугече, славный приветливый Тайдемар, помогает всем гусярам, волынщикам и певцам, да и сам он слывет ис-

¹⁶ Совпадает с началом полевых работ и Пасхой.

¹⁷ Праздник сева.

¹⁸ Праздник солнцестояния, у древних русов – Купала.

куснейшим гусяром.

Вместе со всем народом радуется возвращению солнца и Куге. Сильнее всех ее страданий снедает ее тоска от своей несбывшейся любви к Кугече.

Весной береза самая первая из деревьев зеленеет и наливаются сладким сердечным соком.

Все лето купается кудрявая в теплых лучах солнца и шепчет ему о своей нежной грусти. Но не узнает бог свою милую в зеленом дереве, в ее шелковом шелесте, а она не в силах ничего вымолвить.

Прощаясь с ним тихой ясной осенью, сияет береза золотой листвой на голубом небосводе, как девушка в белом платье с золотыми косами.

Иногда кажется безутешному Кугече, что береза чем-то напоминает ему его любимую и печально ласкает он ее желтые косы и белый ствол прощальными лучами.

И ждет верная березонька, что, может быть, когда-нибудь ее суженый все же разглядит ее в немом дереве, - тогда падут чары Ена и вновь она предстанет счастливой девушкой.

Луницы

Есть на небе печальное место – приют несчастливых женщин.

Сказывают, давным-давно было это.

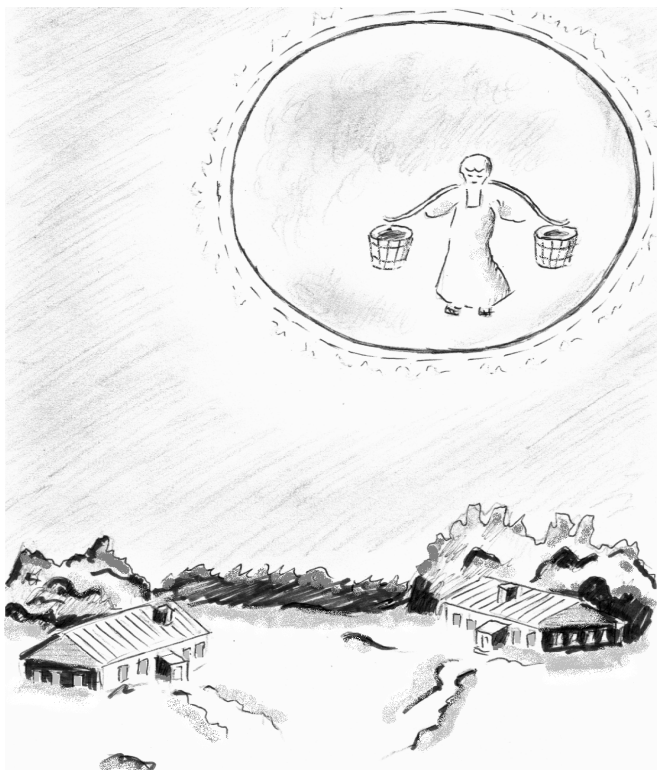
У одного мужика умерла жена, оставив ему дочь Тылзе¹⁹. Как вдовцу одному жить? Хозяйство вести? Женился он на другой, тоже вдове. И была у нее своя дочь.

Попалась ему баба сварливая и злая. Невзлюбила она падчерицу. У мачехи глаза чужие, холодные, взгляды косые, речи скребучие. Свою-то дочку она ласкала и баловала, а падчерицу обижала и мучила. Всю работу на нее свалила.

Вставала бедняжка раньше всех в потемках, раздувала в пе-

¹⁹ Луна.

чи огонь, готовила завтрак, кормила в хлеву скотину, а ложилась позже всех. Весь день скакала за работой. Летом жала, зимой навоз таскала. А ела после всех объедки, пригорюнившись.

Свою дочь мачеха звала цветочком и ягодкой, а ее бранила дрянью противной и отца уверяла, что она ленивая да притворная. Вернется хозяин с поля, а злая баба жалуется:

– Целый день я кручусь в доме и на подворье, а твоя-то лежебока только валяется да под ногами мешается.

А мужик, известно, верит своей сударушке. И сжималась девочка под хмурыми взглядами отца. Без ласки вяла сиротка. Плакала тихонечко несчастная в сенях холодных и темных, у стены зябко съежившись, вспоминала дни былые, маму милую, покойную:

– Мама, мамочка! Где же ты? Зачем ты меня, малюточку,

покинула? – и слезы соленые резали ей глаза и бежали по щекам.

Услышал как-то отец ее всхлипывания тихие, выскочил в сени со страшными круглыми глазами и злобно огрел хворостину беззащитного ребенка.

– Вот тебе, лентяйка капризная!

Не думала никогда девочка, что такая будет ей доля, доля горькая сиротинушки.

Однажды кончилась в избе вода – и погнала мачеха Тылзе ночью в овраг к роднику

Идет бедняжка, холодно, скользко, страшно. Дрожит и плачет девочка, глядя на огромную серебристую луну в черном небе:

. – Ой, Луна-Луна, некому меня, сиротку, на земле пожалеть. Пожалей хоть ты меня, горемычную!

Услышал ее горе добрый Юмо, прослезился и спустил девочке шелковые качели и поднял ее к себе на небо, на луну.

Если всмотреться, видно, там, на луне стоит грустная девушка в белом платье с ведрами по бокам на коромысле. Плачет она, вспоминая свою бедную земную долю.

С тех пор души умерших обиженных женщин селятся на луне.

Вот почему нехорошо показывать пальцем на ночное светило. Печальные женщины смотрят оттуда на нас с укором. Не нашлось бедняжкам теплого места на земле нашей широкой.

Пимбар и кереметь любви

Мы, люди, на небо попадаем редко; но боги свободно посещают наш мир. То по своим важным делам, а то и просто развлекаться от скуки. Они постоянно ходят вокруг нас, обычно незримые, но часто и вполне видимы.

Дочь Юмо прекрасная Пимбар спустилась как-то с неба на землю погулять, и здесь среди зеленых лугов, полей и лесов

встретила людей в одежде белой, как мел, а впереди них выступал высокий молодцеватый мужик в белом кафтане с кучерявой бородкой и насмешливым лицом – Азман, по прозвищу Горный великан.

Был он у них великим картом²⁰ – и все его уважали за великолепие его вида и речи, а девушки, косясь на него, краснели и смущались.

Веселый Азман любил жить в свое удовольствие, на радость стыдливым девам ходить по гостям, попивать пенистое пиво и бузу²¹, есть велье, под рябиною искусно петь, брэнчать на гуслях, так чтоб ноги сами пускались в пляс, очаровывать и целовать девиц и вдов, забавляться с ними, таскаться к ним по ночам, а потом бросать, оставляя страдать несчастных.

Многие мужики злились на повесу, давно на него зуб точили, да опасались колдовских заговоров чародея. Ведь хвастал он всем, что с самим Юмо водит дружбу. На всех праздниках и молениях и помолиться, и попить был Азман первым.

Глянула Пимбар на красавца – и остолбенела. Глянул Азман на небесную девушку и тоже замер и онемел. Поражены были оба красотой друг друга и влюбились без памяти.

Не долго думая, смелый карт позвал юную богиню стать его женой и умыкнул ее. Даже не сватался и не спрашивал согласия у ее небесного отца.

И не смогла девушка перед молодым устоять.

Так стала Пимбар женой Азмана.

Только мучительным было ее счастье с ветреным гулякой.

Шло время.

Собрал как-то Юмо к себе на совет картов, мулл и попов ото всех народов: русских, марийцев, татар, чуваш, мордвы, удмуртов.

Все держались на собрании со скромным достоинством, один Азман явился щеголем: в сапогах, в красной рубашонке, жилетке и высоченной белой войлочной шляпе – теркуппше.

Косо посмотрел бог на своего самовольного зятя:

– Уж больно, брат, ты щеголеват, – заметил он.

²⁰ Крестьянин, почитаемый большим знатоком богов и ритуалов, волхв.

²¹ Древнее русское название водки, самогон.

– Не твое это дело, тестюшка. А мне так нравится, – по-смеиваясь свысока, отвечал заносчивый карт.

Усмехнулся Юмо, слыша его надменные речи, и подумал: "Да, видно, народное почитание вскружило молодцу голову", – и поддел его:

– Похоже, ты самый премудрый среди нас. Научи нас, небожителей, уму-разуму.

Не понял Азман божьей усмешки, совсем разошелся, стал поучать бога:

– Ты, всевышний, как старейший, должен бы восседать торжественно в роскошном армяке, а ты одет как простой мужик, даже теркуппше на тебе будничная – черная.

Поблагодарил его Юмо за совет и с горечью подумал: "Как избалован этот карт. Не достоин он небесного сана. Оставлю его на земле кереметем²²".

И после смерти стал Азман кереметем любви.

Неслышный и невидимый, подкрадывается баловник к мужчинам и женщинам при каждой их встрече и бросает в них свои острые взгляды – и сердца их пронзают муки страсти, а Азман, глядя на их страдания, смущение, страхи, глупые выходки и безумные подвиги, веселится и заливается неслышным нам хохотом.

Видит всевышний его злые проделки, но не мешает. Когда другие небожители упрекают его за это попустительство, добрый Юмо, улыбаясь, машет рукой:

– А-а, пусть себе тешится.

И объясняет:

– Спесивый Азман и сам не понимает, что своими злыми потехами способствует добру – появлению чудных деток, любящих семей и, таким образом, продолжению и процветанию рода человеческого.

А супруга карта Пимбар, как бессмертная, со временем вернулась на небо и стала покровительницей женщин, богиней любви.

Если у какой влюбленной не ладятся ее сердечные дела с ненаглядным, с женихом или с мужем, она обращается с молит-

²² Кереметь – от арабского, колдун, дух.

вой к жене этого гордого щеголя, справедливо рассуждая, что уж кто-кто, а она-то натерпелась любовных мук достаточно, знает, каковы бывают они, эти жестокие красавцы, но сумела-таки своего гордеца приручить. Поэтому она лучше всех поймет ее женское сердце и поможет ей завлечь и присушить к себе милого.

Знают женщины и то, как надо подойти к своей небесной заступнице.

Чтобы растрогать Пимбар, жертвуют они ей свои самые-самые сильные женские приворожи: самые нарядные платья, белоснежные, с яркой цветной вышивкой, или самый яркий платок, или дивный передник с вышивкой, тесьмой и кружевом, или пояс, или самый белый кафтан, или самые мягкие и плотные очуци, или самый блестящий ширкам²³.

Как ни жаль расставаться с этакой красотой, но от сердца отрывают бабы. Да и то сказать, что жалеть приворожу, если от нее проку не оказывается? А тут задобри богиню щедрым подарком да скажи волшебный заговор:

Моя добрая Пимбар,
Ты влюбленных понимаешь,
И, жалея, помогаешь.
Прояви свой божий дар,
Утоли мой тайный жар:
Пусть бежит за мной миленок,
Словно ласковый теленок!

И все. Если это сделано от души и с верой в Пимбар, то скоро так и будет, поволочится за тобой миленький, как на веревочке. Проверенное средство.

²³ Монисто, блестящие нагрудные подвески

Прекрасная Юмидырь²⁴

Самая любимая дочь у бога – его младшенькая.

И как не любить ее, пригожую, трудолюбивую да ласковую, настоящий образец девичьей красоты? Лицом она загляденье, на голове длинная русая коса, сама статна, плавно выступает в белоснежном платье, в зеленом кафтане. Все дела у небесной хозяйки спорятся. Она и стряпуха, и огородница, и пастушка, и пряха, и ткачиха, и швея, и искусная вышивальщица.

Просыпается небесная дева на самом рассвете, когда небо чисто, не дунет ветерок, не шелохнется ни листок, ни травинка.

Пока в ее квашне поднимается тесто, она спускается по небосклону на землю, чтоб обмыть свое белое лицо ключевой водицей, зачерпнуть ее полные ведра и несет их в небесный дом бога.

Вернувшись, небесная стряпуха месит тесто, кладет хлеба на деревянную лопату и ставит в печь. Пока Кугече еще спит, на солнечном жару они быстро пекутся – она достает их из печи золотисто-румяные.

После завтрака божья семья расходится по работам. Пока отец пашет поле, Юмидырь успевает убрать огород и выпускает из хлевов скотину пастись на землю. На небе-то травы мало.

По утрам люди видят, как над землей восток алеет. А ведь это небесная пастушка спускает с неба зарю – розовое полотно, расшитое золотом, и по этой алой дороге белыми облаками идут ее коровы, лошади и овцы вниз на земные зеленые луга.

Осенью Юмидырь из ячменя и хмеля делает солод и варит пиво, а из меда – медовуху, отмачивает выращенные ее отцом – земледельцем коноплю и лен и тербит их на волокна.

В долгие зимние вечера, если прислушаться, можно слышать, как с неба доносится тихое жужжание. То под звездной раскидистой березой сидят небесные девицы на посиделках, Юмидырь с сестрами и подружками, прядут пряжу из конопляной и льняной кудели на кленовом веретене и серебряной пряс-

²⁴ Букв. – божья дочь.

лице, мотают серебряные нити в клубок на цевну, ткуют из них полотно, а из него шьют рубашки.

Под двенадцатью небесными свечами рукодельницы вышивают цветными шерстяными нитями на холсте – небесном пологе свой великий звездный узор, чтобы земные женщины могли повторить эти спасительные орнаменты на полотенцах, платьях и рубашках своих мужей и детей.

Сказывают, жаворонок как-то так высоко взмыл в небо, что увидел там Юмидырь, поражен был ее красотой, добротой и мастерством и влюбился в девицу. С тех пор каждое лето в солнечный полдень понимается птаха в поднебесье с трелями:

– Тур-тур, тур-тур, – сватается к небесной невесте, просит ее себе в жены.

Но красавица смеется и отмахивается от крылатого жениха своей серебряной сковородницей – и певец камнем падает вниз. Но на земле, собравшись с силами, влюбленный бедняга вновь устремляется ввысь, вновь изливает свое сердце:

– Тур-тур, тур-тур...

Да и все пернатые с высоты своего лета видят Юмидырь, когда она с началом лета на утренней заре спускается со своей скотиной на земные луга, и зачарованные ее красотой в восхищении хором поют славу небесной деве.

Так счастливо росла божья дочь.

Но вот нашла на нее вдруг какая-то грусть, а отчего – красавица и сама не знает. А было ее томление юной жаждой любви.

Однажды, когда она пасла свое стадо на лугу у реки, повстречался ей красавец-парень. Косил он там траву. Как махнет вширь косой – жжих – визжит мокрая трава и шуршит сухая и падает к его ногам целой стеной. А лучи утреннего солнца золотят его мощный стан, открытое спокойное лицо и добрые голубые глаза.

Лукавый кереметь любви - красавец Азман уж тут как тут подкараулил молодых. Слепла богиня от красоты косаря, залюбовалась им, застыла, не в силах глаз отвести. И парень вдруг обернулся и тоже увидел ее, и тоже замер, замороженный ее дивной красотой. Так стояли они, восхищенные друг другом.

Наконец, сумел он кое-как пробормотать осипшим голосом

ласковое приветствие:

– Добрый день, красна девица. Что-то прежде я тебя никогда не видел. Кто ты?

– Добрый день, молодец. Труд в пользу.

– Спасибо.

– Я с отцом, мамой и братьями-сестрами живу там, наверху.

А как тебя зовут?

– Меня зовут Волго²⁵. Я из соседней деревни... Как ты прекрасна.

Смутилась Юмидирь, зарделась, как красный мак.

– До свидания, парень, – и поспешно удалилась.

А незримый Азман заливался – хихикал над ними.

Но с тех пор стали они исподволь наблюдать друг за другом, а сами старались прятаться. Напала на обоих жаркая тоска.

Как-то срезал Волго ивовый прут, смастерил свирель и полились над лугами ее нежные звуки – то пела в них его душа, рвущаяся к красавице, и совсем растрожила ее сердце.

Мечутся оба ночами без сна, в горячих грезах мечтают друг о друге.

Однажды в жаркий полдень решила богиня освежиться, искупаться в прохладной реке под серебристыми ивами. Скинула она платье со своего белого тела, зашла в воду и в прозрачных струях поплыла белая.

А Волго как раз прятался в камышах, подсматривал за девицей. От ее ослепительной красоты померк у него в глазах весь божий свет, дыханье схватило. Ошеломленный, не помня себя и сам не зная зачем, подкрался он к берегу, схватил ее платье и опять спрятался в кустах.

Искупалась девица, стала выходить из воды – по телу от волн искры мечутся – хватать – одежды нет. Закрылась она зелеными ветками и горюет-зовет:

– Ой, где же, где мое платье? Как мне идти по свету?

Но молчит Волго.

Опять горюет-зовет Юмидирь:

– Ой, кто вернет мне платье, братом моим будет.

Молчит Волго.

²⁵ От волгаш (свет, светить) – светлый.

– Ой, кто мне вернет платье, мужем моим будет.

Тут вышел Волго и отдал ей наряд.

Не удивилась Юмидырь:

– Это ты, Волго. Я так и думала. Что ж, должна я сдержать свое обещание стать твоей женой. Но ты, вижу, не понял, кто я, что значит "мы живем наверху". Мой отец – тот самый великий бог Юмо, который живет на небе и направляет все на свете и которому вы, люди, поклоняетесь. Меня и зовут Юмидырь.

Оторопел Волго от удивления:

– Шутишь?

– Время ли шутить? Ну, как по-прежнему ли ты хочешь взять меня в жены? Или робеешь?

– Робею, но хочу. Я люблю тебя, Юмидырь, и готов жизнь отдать за тебя.

– Я тоже люблю тебя, Волго. Вот тебе, милый, мой расши-тый платок – залог согласия стать твоей невестой. Хорошо, что ты такой смелый. Но отец мой очень меня любит и не захочет со мной разлучиться, назначит тебе тяжкие испытания. Одолеем ли мы их? О если бы!

Свистнула Юмидырь – и прискакал к ним конь белый, ржет, балуется, трясет цветной гривой, роет копытом землю, из ноздрей огнем дышит.

– Ах, какой красавец! – невольно восхитился Волго, как ни был он обеспокоен.

– Даю тебе, суженый, этого коня, – передала ему узду богиня. – Знает он дорогу на небо, к нашему божьему дому. Приезжай к нам завтра же на рассвете свататься.

И глядя друг на друга нежно и встревожено, попрощались молодые до встречи.

Волго

Страшное будущее ждало Волго. Так-то брать в жены богино. На великую дерзость толкнула его любовь.

Привел парень дивного небесного коня к себе, поставил на ночь в конюшне в стойло и насыпал в ясли отборного овса.

А утром, чуть свет забрезжил, вывел могучего на двор, взнуздal – и едва успел вскочить в седло, конь полетел, словно птица, чуть земли касаясь, только ветер свистит в ушах, потом поскакал по белым облакам, пролетел сквозь семь цветов радуги – семь ярусов неба, и скоро замер перед двором Юмо.

Боги как раз только позавтракали и собирались расходиться по работам, как вдруг дверь в избу отворилась и вошел Волго, в чистой белой, как мел, рубашке. Снял он свою теркупуше, низко в пояс поклонился всем и сказал речь:

– О великий небесный хозяин, не сердчай на меня, простого земного трудягу, за этот дерзкий приезд без приглашения. Не вели гнать меня, позволь слово молвить, зачем я пришел к тебе.

От неожиданности оторопел Юмо, но скоро признал Волго (бог всех землян знает):

– А, это ты, Волго. Как это ты без моей воли сумел взобраться на небо? Что ж, заходи – гостем будешь. Ну, говори, за чем пожаловал?

– А пришел я к тебе, добрый Юмо, сватать за себя твою дочь Юмидырь. Встретились мы нечаянно на роскошных земных лугах и полюбили друг друга без памяти. Пожалей нас, добрый Юмо, благослови нас, твоих детей, на семейную жизнь.

Всеведущий Юмо не удивился, удивились его домочадцы, младшие боги.

Понравился богу гость – высокий и статный, с открытым лицом и чистыми глазами, уважительный и обходительный. Но, как и предвидела Юмидырь, жаль ему было расставаться с любимой доченькой, заупрямился он и сказал молодцу:

– Однако, как я погляжу, скор ты, парень. Нравишься ты мне, но должен я еще проверить, достоин ли ты руки моей голубки. Дам я тебе три испытания, трудовое, ратное и сердечное. Справишься – получишь ее в жены, нет – не взыщи. А дела не

простые, можешь и голову потерять. Согласен ли ты на них?

– Согласен, отче.

– Добро. Быть по сему. Вот тебе первое испытание. На горе возле ворот неба разросся огромный дуб, его крона уже достает до облаков, для половины земли застилает солнце и мешает нашему входу-выходу. Ты очень всем удружишь, если уберешь его. Езжай – посмотри пока на дуб, подготовься, а работу вечером начать – к утру кончить.

Поскакал Волго к небесным воротам, глянул на дуб – и обомлел: тянется дерево до неба так, что вершину еле видно, а его ствол у корней в обхват с мужицкую избу будет.

Приуныл парень: "Видно, не хочет бог отдать мне свою дочь. Разве по силам мне свалить такую махину да еще за одну ночь?" Сидит – голову повесил.

Вдруг слышит, кто-то подъехал. Обернулся – это Юмидырь.

– Не тужи, любимый, – говорит ему. – Видишь, со мной еще три небесных коня. Поскачу я к трем твоим братьям, звать на подмогу и привезу вам кое-какую удивительную вещь. Авось, тогда справитесь. Вот тебе топор, еда и жбан с квасом. Испекла я тебе овсяную лепешку на масле и разные пирожки. Ты пока подкрепись, а вечером начинай рубить. А то скоро батюшка наведается посмотреть, как ты работаешь.

Вечером попросил Волго у дуба прощения и начал работу.

Небесный топор оказался очень ладным и острым. Как ударит им могучий Волго – глубоко его лезвие впивается в дерево. Полюбовался Юмо на мощь парня, похвалил и ушел спать.

А тут подросла Юмидырь с его братьями – такими же добрыми ребятами и привезла какие-то две диковинные длинные железные полосы с острыми зубьями по одной стороне и ручками по краям и научила мужчин, как ими пользоваться. Так впервые узнали люди, что такое пила.

Дружно взялись братья за работу сразу двумя пилами с двух сторон. Дзинь-дзинь, – вгрызались зубастые в дерево и к утру почти перерезали ствол. Как закачался дуб, стал потрескивать – прощаться с жизнью, вынули братья пилы и отошли в сторону подальше, чтобы, падая, великан их не зашиб. А Волго стал до-рубать его топором.

Когда на заре со страшным треском рухнул дуб – засияло солнце на затененной им половине земли, стало теплее в мире, зацвели цветы, запели птицы.

Подошел бог, притворился, будто не ведает, как был повержен исполин, и похвалил:

– Ну, ты молодец, Волго. Надо ж, такую крепость свалил. Расчистил путь к небу. Выдержал ты первое испытание – на силу, ум и дружбу. Отдыхай сегодня. А завтра будет тебе задание пострашнее.

На другой день утром позвал бог Волго и говорит:

– Вот тебе, мужик, второе испытание – на мужество. Давно жители с утренних краев жалуются мне, что объявились там твари Ена – стаи громадных крылатых волков – лидыкшев²⁶. Эти чудища величиной с быка, с толстым серебрящимся загривком и с перепончатыми крыльями, а над огромной красной пастью у них человеческие глаза и лоб. Умны они, но нет в их глазах доброты, один холод и злоба. Нападают они на деревни, разоряют их вчистую, рвут все живое, и нет от них спасения ни на крыше, ни на дереве, ибо могут они взлетать на них. Молят меня несчастные жители оградить их от гибели. Вот и поручаю я, Волго, этот подвиг тебе. Иди, спаси человечество.

От такого рассказа побежали у Волго по спине мурашки. "Как я справлюсь с такими жуткими чудовищами?" – подумал парень, но виду не подал: "Э, да смерти не миновать, а без Юмидырь нет для меня жизни. Авось, одолею как-нибудь чудовищ".

Сунул парень за пояс топор и зашагал на утреннюю зарю.

Догоняет его Юмидырь.

– Постой, милый Волго. Торопись, не спеша. Послушай моего совета. Сходи сначала в кузницу к Кидырчо и Илье, попроси сковать тебе железную рубаху и железные штаны, чтобы волчьи клыки не могли их прокусить. А выйдешь на разоренную землю, попроси у тамошних людей сделать тебе крепкий столб. Будет он тебе народной поддержкой. Как увидишь, мчатся на тебя лидыкши, надень на себя железную оборону да привяжи себя со спины к врытому в землю столбу, чтобы не сбили они

²⁶ Букв. страшили.

тебя с ног и лежачего не загрызли. А вместо топора возьми вот этот небесный меч. Закален он моей любовью к тебе, остр и крепок, никогда не сломается.

Обняла его мудрая дева со слезами:

– Прощай, моя любовь, прощай. Увидимся ли? – И предостерегла: Да, еще одно, Волго. Никогда не смотри в горящие волчьих глаза. Если только глянешь, нападет на тебя ужас, ноги-руки похолодеют и ослабеют и не сможешь ты сражаться.

Послушал парень совета богини. Отправился в небесную кузницу. Сковали ему Кидырчо и Илья железную рубаху и железные штаны из труб и пластин, скрепленных друг с другом крючками. Уложил он их в котомку, закинул за спину, подпоясавшись небесным мечом, снаряжился и двинулся навстречу неизвестности.

Идет через деревни, глядит, а они пусты. Где же люди? Видно, их жители погибли или в страхе бежали.

От кого же поддержки искать?

Кое-как докричался он до попрятавшихся людей, попросил помощи. Вытесали они ему толстый столб, освященный народными мольбами и омытый слезами матерей, оплакивающих свои погибшие семьи, и вырыли на околице в землю.

Облачился богатырь в свою железную чешую, пристегнул себя толстым ремнем за пояс к столбу, а вокруг разбросал куски кровавого мяса, чтобы приманить волков, обнажил меч и стал ждать

Истомился он в долгом тревожном ожидании. Но вот к вечеру впереди на косогоре выросли из лесу черные тени чудовищ – три стаи огромных, как быки, серых лидыкшев.

На миг застыли громады на взгорье, задрали морды и тоскливо завыли – так, что земля под ногами задрожала. А увидев Волго, понеслись к нему с трех сторон. Вся степь впереди огнями их горящих глаз колышется. И затряслось сердце у парня. Зажмурился он, чтобы не глядеть в их жуткие глаза.

С утробным рыком наскочили чудовища на него. Похолодел он весь. Но подобрался да резко взмахнул своим мечом, белым, как молния, и рассек несколько передних гадов – и покатились они с визгом кубарем.

Но следующие ряды ударили его своими тяжелыми тушами.

Если бы не столб за спиной, не устоять бы богатырю.

В бессильном бешенстве лацкали хищники клыками по его железным пластинам. Опять взмахнул Волго белым мечом – опять покатались разрубленные звери.

Но новые и новые их волны с рычанием бросались на парня, обдавая его смрадом своего дыхания. И весь холм вокруг был усеян горами их оскаленных хрипящих тел.

Битва ужасна была.

И все же один зверь прокусил-таки ногу Волго клыком между пластин. Ужала человека лютая боль, но не страх обуял его, а безумный гнев. Разожмурился витязь и взглянул открыто в жуткие глаза чудовищ – и ярость такая пылала в его глазах, что сами волки отпрянули.

Отстегнул себя воин от столба и понесся на них, как ураган, и рубил и сек их сверкающим мечом, и гнал их, ревущих и бросающихся на него. Силы его оставляли, он качался и плохо ви-

дел, но все преследовал и сек проклятых, пока не истребил всех.

Оглядел он опустевшее поле и увидел, что победил, – и тут обессиленный упал.

Когда израненный и измученный победитель возвращался через деревни, жители высыпали ему навстречу с ликованием, со слезами благодарили и славили героя:

– Слава тебе, отважный Волго, слава! Проклятых тварей Ена твой гнев поверг в ужас. Твоя десница сразила чудовищ Да поглотит земля их трупы. Ты очистил мир от кошмара и спас нас. Ты – крепость наша. Да будешь ты счастлив! Слава твоя да утвердится навеки

Разверзлось небо – и сам Юмо, вся его семья и младшие боги с почетом встретили парня, доказавшего свое мужество.

А нежная Юмидырь, улучшив подходящую минуту, отвела его в сторону и тихо молвила:

– Милый мой Волго, я рада, что ты вернулся живой, и тоже горда тобой. Спасибо тебе за твои подвиги. Я люблю тебя еще сильнее. Но тебе предстоит еще третье испытание, однако не жди от меня к нему никаких подсказок и советов, потому что я и сама тоже хочу проверить тебя.

На другой день собрал всевышний всех небожителей и объявил Волго последнее испытание – сердечное:

– Погляди, Волго, сюда, – сказал бог. – Видишь, перед моей избой сидят двенадцать голубок. Это двенадцать моих дочерей я превратил на время в горлиц. Узнай среди них свою любимую. Это и есть последнее испытание – чуткости твоего сердца. Узнаешь – и она твоя.

Долго парень смотрел на голубок. Все сизые, с малиновыми лапками, все нежные, все ласково воркуют. Как узнать, какая из них Юмидырь? Огорчилось и поникло его лицо. Аж лоб испариной покрылся. И не сводя с него глаз, замерли Мландава, Пиршо, Кугече, Водыж, Онар, Сайен, Сави, Таир, Кидырчо, Илья, Миклай и все небожители.

Но вдруг Волго заметил: все-то голубки спокойны, а одна тревожно вертится и поглядывает на него часто и каким-то долгим блестящим глазом. "Да ведь не иначе это моя Юмидырь беспокоится, узнаю ли я ее", - догадался он и указал на нее. И тотчас птица обратилась в милую Юмидырь, а за ней и остальные

голубки предстали девицами-сестрами.

Облегченно вздохнули и радовались успеху парня небожители, а больше всех мать невесты Мландава. Даже слезы брызнули у нее из счастливых глаз. И на земле тоже зашумело народное ликование.

Тут Юмо простер руку, требуя внимания, и торжественно прогремел:

– Жители небесные и земные! Слушайте голоса моего! Возвещаю вам свою волю. Дорогой ты наш Волго, испытания трудные я дал тебе... Прости меня, отца ревнивого. Но ты не утрашился и победил – и в труде, и в бою, и в любви. Волго, ты не только статен и силен, но и душа твоя исполнена всем прекрасным в человеке. Рад я иметь такого зятя. Ты заслуживаешь любой награды. Спокойно отдаю мою милую Юмидырь в твои надежные руки. Благословляю ваш союз, дети мои! Будьте счастливы! Утешайте один другого в трудах своих. Возвеличили вы свое имя и потомки будут помнить и почитать вас. Жители неба и земли! Пойте славу Волго и Юмидырь! И завещайте ее своим детям!

И все исполнилось так.

А потом, повернувшись к герою, бог сказал весело:

– Что ж, присылай, парень, сватов. Обычай надо блюсти.

И на другой же день отправился Волго с отцом и матерью, сватом и свахой на небо.

Приветливо встретил их бог. На столе, как положено, уже лежит большой каравай хлеба и стоит блюдо с топленым маслом, а разряженная невеста в напряжении дожидается, стоя у печи. После чинных взаимных приветствий небесный отец взял рожок каравая, прижал его к груди, большим ножом отрезал ломоть, намазал его желтым крупчатым маслом и торжественно подал дочери. Невеста важно от него откусила и протянула жениху, а Волго важно его доел – ведь это священные знаки неотменного согласия отца и дочери на замужество.

Но последнее слово в таком женском деле за матерью. Волго почтительно подошел к плачущей Мландаве и с поклоном опустил ей за пазуху монету – заветный знак платы за материнское молоко, а богиня, вытирая слезы и с гордостью выпрямившись, ее взяла и передала дочери – значит тоже согласна.

Радостные обошли жених и невеста небесную деревню, заглядывая во все дома и приглашая божью родню и всю братию к себе на свадьбу.

Сыграли свадьбу молодые на земле, в деревне Волго, как повелось, на Кисо, в хлебный цвет, чтобы так же цвела их жизнь.

Ах, какая это была свадьба! Праздник союза неба и земли!

Счастливые хлопотали хозяева, готовя угощение на пир. Клокотали котлы, шипели сковороды. Намешали горы ячменного зерна и головок хмеля, добавили в солод медку – и забродило, зашипело красное пиво и скоро поспело, запенилось, потек через край кадок хмельной напиток. Наварили браги из меда и браги из пшеницы, нагнали бузы.

В назначенный день на рассвете Волго с родителями обошли – оповестили деревню, собрали мужской поезд в сорок верховых и подвод и с барабанным громом поскакали – покатали на небо за невестой.

Тем временем в избе Юмо женский переполох: с верещанием и спорами невесту наряжают – собирают, укладывают в сундуки приданое и подарки, в волнении прислушиваясь, не едет ли жених.

Головку Юмидырь в последний раз повязали платком – в знак того, что она еще не жена, а девица – и надели девичий венец, весь в бисере и монетах.

Но вот на улице ребятня загалдела:

– Едут! Едут!

Издали послышался барабанный бой и по небесной деревне запылел свадебный поезд жениха, во все горло распевая хвалы невесте. Навстречу высыпали небожители. Поезжане стали угощать небесных парней, прося отпустить их девушку, а савуш²⁷ и Волго с гурьбой родни за спиной вступили в божью избу, поклонились, отведали хлеб-соль и одарили небесного отца и расстроганную Мландаву земными дарами.

Разнаряженную невесту с пением повели во двор и сажали на коня, а она, как положено, для вида поупиралась, савуш под общий смех для вида ее похлестал плетью, - и поезд тронулся в

²⁷ Дружка, тамада.

обратный путь – на восходе алого солнышка: да будет жизнь новой семьи такой же светлой, как заря. А вслед за ними собрался и пустился поезд невестинной родни – со свистом и гиком будто в погоню, а на самом деле погулять на свадьбе.

На границе между небом и землей женихов поезд остановился, все спрыгнули на землю, савуш связал руки невесты полотенцем и ее, притворно упирающуюся, повели в последний девичий путь – в обрядную избу. Там сняли платок, расчесали девичью косу и под благословение карта:

– Да будет у вас полно детей, скота и хлеба! Да поможет вам Юмо! – надели на голову женин шимакш.

Так Юмидырь и Волго стали мужем и женой, ошеломленные и растерянные.

И оба свадебных поезда под стук барабанов и звон задорных песен понеслись через зеленые леса по приволью лугов и полей к родной деревне жениха.

И пешком, и верхом собралось на свадьбу полно народу – и с земли, и с неба, огромная толпа гостей с подарками. Одеты все празднично: белые теркупши, сапоги, белые конопляные штаны, белые кафтаны и подпоясаны широкими красными и багровыми поясами – кушаками, а за ними – в кожаных ножнах ножи. В гривах лошадей цветные ленты.

В какой избе столько народу уместить?

Хозяева расстелили на траве широкие холсты, а на них чего только нет!

Бочки с пивом и медовухой, в берестяных туесах-бураках и глиняных кувшинах всевозможные квасы, свекольные, хлебные, клюквенные, брусничные, соки ягодные, отвары шиповниковые, кисели овсяные.

Дымится мясо, вареное и жареное. Блестят жиром горы сокта²⁸. На блюдах навалены, бьют в ноздри вкусным паром подкоголи²⁹ и рассыпчатые творожники – туара. Румяные пироги с мясом, с капустой, со свеклой, с яблоками лежат кусками и горами. Высятя стопы лепешек и блинов – всяких, овсяных, ячменных и ржаных, обычных и трехслойных – команмелна. Кра-

²⁸ Домашняя колбаса – из смеси фарша и перловой крупы.

²⁹ Отварные пирожки с мясом или творогом, пельмени.

суются вареные рыбы, целые и разрезанные на куски.

А ко всему этому великолепию подставлены жареные и соленые грибы, кадки с квашеной капустой и солеными огурцами и разные другие яства, – у гостей слюнки текут.

Наконец, суэта утихла, народ расселся. Савуш провозгласил витиеватый тост в честь молодых и их родителей – и пир начался. Гомон смолк, уста жуют, потягивают из туесков и деревянных ковшей пенистое пиво, желтую медовуху и белую бузу. Только Савуш не устаёт шутить, народ веселить.

Великий гуслиарь и волынщик приветливый Тайдемар положил на колени свои дивные гусли, коснулся пальцами струн – и рассыпались, поплыли чистые серебряные звоны, зазвенели нежные сладкие переливы, как журчание ручья, как шелест берез, как пенье голубого неба.

И зачарованные ими, замерли гости.

Глядя на прекрасную невесту и могучего жениха, девушки вздыхают, думают, какая Юмидырь счастливая.

– Нам бы такого.

Грянули барабаны, загудели волынки и громовые пучи³⁰, призывая к пляске. Девушки, покачиваясь из стороны в сторону и плавно выступая, поплыли уточками, запели свою жалобу на краткость девичьего века, где все-то и веселье, что до замужества.

Барабаны сыпанули дробью, парни выскочили и задорно прыгали петухами.

Все ели, пили, пели, плясали с топаньем и битьем в ладоши, веселились так, что земля ходуном ходила, и, глядя на них, радовались старики.

И среди гостей незримые гуляли буробородый Водыж и кучерявый Азман, спутывая парней и девиц.

Когда утомленные гости, пошатываясь, разбрелись спать, невестины подруги отвели молодых в амбар и уложили смущенных в постель с веселым пожеланием:.

– Ложась вдвоем, вставайте втроем!

Утром молодые омылись в бане – и Волго повел Юмидырь в ее новый дом представлять своим родным.

³⁰ Деревянные трубы, обмотанные берестой.

Впервые невестка через прохладные сени вступала под кровлю мужа. Низко поклонилась она всем и достала свои дары.

Свекру и деверям подарила белые рубашки, сшитые и вышитые ее собственными руками, - и мужчины только головами качали, дивясь их красоте и искусству. Свекровь и золовок небесная мастерица одарила расшитыми ею платьями, платками и шимакшами.

Все любовались подарками и благодарили, а невестка тем временем быстро испекла блины, показала свое умение.

В приданое от небесного отца она привела чудесного жеребенка, теленка и ягнят – свое целое стадо живности

.Днем гости кое-как очухались от вчерашнего веселья и начали новое, а на третий день отправились пировать на небо, к отцу невесты.

В новом доме все иначе для Юмидырь. Не так лежат вещи, не так в окна светит солнце, не так скрипят двери и нет за плечами ласковой мамы.

Но свекровь и свекор были с нею не грубы, а учтивы и ду-

шевы. Деверя и золовки не колючи и не насмешливы, а приветливы. Свекровь ее не нахвалит. Не ленива, а работяща. Хоть и богиня, но не заносчива, а кротка. Добродетель свою бережет в чистоте.

Придет супруг с работы, от сохи, потный и пыльный, - дева тихая принесет ему ковш с водой и полотенце, молвит ласковое слово, шею водой польет. Вечером приготовит постель, подушку взобьет.

Тяжесть детей в себе носит терпеливица; в бане, стоя на соломе на коленях, рожает их на свет. Качает их в колыбели с тихой песнею, кормит грудью, ночами редко спит. Утром, задав в хлеву корм скотинке, спешит скорее в дом – там заплакал уж малюточка, есть он хочет или озяб, а сказать не может бедный.

Стала девица – нежная уточка любимой подругой Волго.

Милый ласков с ней, бережет ее, смотрит с любовью, берет в объятия свою стыдливую птичку, как драгоценность – не упала бы, не ушиблась, не сломалась бы на работе и не плакала, - называет ее "мой цветик нежный, моя ягодка".

Работает он так усердно, чтобы семья не голодала, не пекла бы хлеб из коры да соломы.

Когда встав над столом и прижав каравай к груди, отрезает он всем по краюхе хлеба, ей дает он отборные кусочки. Когда за едой все по очереди таскают из блюда ложками похлебку, подставляя краюхи, чтобы не капать на стол, ее очередь всегда первая. И во всем ей почет и уважение – матери семейства.

И от ревливой свекрови он ее всегда защитит.

За добрый нрав, ум и трудолюбие все в доме полюбили невестку, всем она желанна.

Так стали Волго и Юмидырь вместе жить-поживать да детей наживать. И жили они под благоволением Юмо долго и счастливо. А когда Волго состарился и скончался, всевышний тесть воззвал его на небо и назначил к себе и к громовержцам Кидырчо и Илье помощником – сверкателем, богом молний Вóлгынчо.

А все народы не устают воспевать его любовь и подвиги и в честь богатыря назвали самую широкую, могучую и светлую в мире реку Юл его славным именем – Волгой. Ведь она ширится и светится, как широк и светел был Волго.

На заре ее голубая ширь розовеет вместе с великим небом, откуда Юмидырь спускает розовое полотно, дорогу для своей скотины на земные луга.

Днем под рукой ликующего Кугече солнце играет на ее волнах слепящими бликами.

А ночью бескрайняя синяя равнина грустною луною серебрится.

И глядя на нее, старики и молодежь вспоминают простого трудягу-парня, его все повергшую любовь и удивительную судьбу, поднявшую его в боги.

Юмидырь же и на земле оставалась богиней, поэтому была бессмертной и не старилась, а после вознесения мужа, она, по-прежнему молодая, тоже отправилась вместе с ним на небо.

А дети и внуки Волго и Юмидырь остались на нашей прекрасной земле и дали начало марийскому народу. Так породнились небо и земля, боги и люди. И благоволил к ним Юмо.

Не забывает народ свою праматерь и защитницу и почитает ее. Вечером на праздник летнего солнцестояния – Семик уходит молодежь из деревни на луга и всю ночь проводит в хороводах, играх и веселье, заводя сердечные знакомства. А вместе с ними развлекается на лугах чаще невидимый добродушный бородач Водыж, большой бабник и охальник, проказничает неутомимый Азман и помогает девушкам хитрая Пимбар.

На рассвете перед зарей – пологом Юмидыри – девушки и парни собирают цветы. Ведь по ним хаживали ее белые ноженьки. К восходу солнца молодежь с букетами возвращается в деревню.

Старшие к тому времени топят баню, вяжут свежие березовые веники, а потом кладут в воду нарванные цветы и на восходе солнца все моются в этом священном цветочном настое, каким мылась когда-то небесная дева, их праматерь.

А благодарная Юмидырь осыпает травы и цветы разноцветными сверкающими каплями – росой.

Легенда о Чимбулате

Вместо эпилога

Над лесами, лугами, полями от одной деревни к другой поплыл тревожный рев боевой трубы – пучи, сигнал нападения врага и сбора ополчения.

Каждый мужик, заслышав этот призыв, знает, что ему делать, когда и в какое место приходить, в каком отряде и под чьим началом выступать. За два-три дня поднялась сила тысяч в пятнадцать воинов.

Вооружены они главным образом луками с железной спинкой да топорами, копьями и кистенями. Мечи, кольчуги, шлемы – редкость. Да и лошади у пахарей большей частью рабочие, для конницы малопригодные и всадников мало. Впрочем, в лесах и болотах коннице и развернуться-то негде. Ополченцы предпочитают пеший ход и лодки, а зимой – лыжи.

В битву идут под бой барабанов и вой волынок. Но открытых сражений избегают, считая лучше засады с внезапным нападением и быстрым отходом. Лес – крепость марийцев. Он и продвижение врага затрудняет, и подсказывает, как с ним воевать. В нем легко спрятаться, из кустов пустить стрелу или копье и бесследно исчезнуть.

Каждый род³¹ и союз близких родов – урмат возглавляет выборный военный предводитель, наиболее уважаемый воин – кугурак³².

Кугураки были не князья, как нынче их часто величают. Не имели они тогда ни дружины, ни дани, ни слуг. Слушались их исключительно добровольно. Не знали тогда марийцы ни господ, ни холопов, а были они все свободными крестьянами.

В мирное время кугураки крестьянствовали, как все, а выделялись умом, силой да большой мужской родней – количеством взрослых братьев, сыновей и других родичей, за что их на-

³¹ Тукым.

³² Букв. – большой, старейшина.

зывали также кугуозами³³. Свободной земли здесь было сколько угодно – и как раз от количества работников зависел и достаток семьи, и число ополченцев из нее.

На собраниях общин эти почтенные выборные вожди разбирали ссоры, по народному одобрению творили суд и вели обсуждение и решение общих дел.

Весть о приближении врага встревожила люд. Говорили, идет огромная орда каких-то неслыханных монголов. Множество картов, кугураков и других воинов по обычаю собралось на берегу Немды.

По всей окрестности, от края до края, сколько видит глаз, кишел и гудел народ, дымили костры, ржали кони.

Здесь в горе под большим камнем погребен земной сын самого Юмо – самый великий кугурак Чимбулат³⁴. На той горе стоит его крепость, а в ней – его войско, хотя видят их только избранные.

Даже после своей смерти спасает богатырь народ от нашептых. Когда надвигается война, на его могиле карты приносят в жертву лучшего двухгодовалого жеребца и устраивают громадное моление, прося защиты.

И земля содрогается, скала раскалывается и из нее встает на ярко-гнедом коне, бьющем копытом землю, грозный великан в черной кольчуге и сияющем шлеме, с алым щитом и тяжким копьем. Плечи его тяжелы и могучи, взгляд быстр, остр и страшен.

Подняв над головой свой белый меч, громовым рыком зовет он за собой ополчение; точно неистовый ураган, обрушиваются воины на вражьи полчища и повергают их в страх и отступление.

А, вернув мир в родной край, Чимбулат снова уходит в скалу – и она замыкается за ним.

Под такой надежной защитой народ благоденствовал в мире.

Но в этот раз сколько мужики ни молились, ни зывали к

³³ Большой хозяин.

³⁴ Чимбулат – на иранских языках – душа меча. Православные маришцы ассоциируют его с Георгием Победоносцем.

Юмо, не шелохнулась немая могила.

И стало тихо – смятение охватило людей. Замерли даже деревья, замолкли птицы.

Что предвещает эта зловещая тишина? О великий Чимбулат, где же ты?

С раскаяньем стали люди вспоминать, как в последние годы, избалованные покоем, предавались они беспечности и теряли уважение к своему защитнику, как ребятишки из соседних деревень вызывали героя из могилы без всякой нужды, просто себе на потеху:

– Вставай, Чимбулат, враг идет!

Вышел тогда богатырь, огляделся налево, огляделся направо, а нет ни врагов, ни ополчения. Только ребятня весело хохочет, заливается.

Ничего не сказал великий воин, только нахмурился, молча повернулся и погрузился в гору. И вот теперь, видно, обиженный исполин не хочет являться к неблагодарному народу. И никто, ни один человек больше не видит на той горе ни его крепости, ни войска.

Так осиротел народ, лишился своей твердыни и лихо ему пришлось. Пали на тихий край небывалые злосчастья.

Началом бедствий стало монгольское нашествие. Не смогли мариинцы его отразить.

Как поднялся с юга храп и ржанье бескрайнего моря коней, от тяжелого топота копыт задрожала земля и в тучах пыли тяжелой лавиной, несметные, как песок, налетели невиданные всадники на лохматых лошадях, с невиданно огромными луками и кривыми саблями, сверкая из-под лохматых шапок щелками узких глаз.

Битва была страшной: тучи стрел, яростные удары, кровь, крики, вытаращенные глаза, катящиеся головы, корчи, стоны и хрипы умирающих. Упорно бились мужики, да силы были неравны. Многие пали, другие бежали, но мало кто вернулся домой.

На месте боя над горами трупов женщины долго выли и плакали. Смешались их слезы с кровью погибших – тогда-то и образовалось там бездонное Шайтаново озеро: сколько ни мерили его глубину, никто не мог достать до дна. А вода в нем

похожа на потемневшую кровь, хотя черпнешь ее, – чиста, как слеза.

С тех пор, подходя к озеру, путник снимает шапку, почитая павших здесь защитников родины.

А лютые ордынские полчища рассыпались по илемам и деревням, празднуя победу, объедались и опивались, бесчинствовали, принародно ругались над женщинами и грабили, захватывая в добычу весь крестьянский запас, грузя на арбы – крытые телеги с огромными деревянными колесами, разоряли все имение, угоняли скот, сжигали избы, топтали поля.

После их ухода стояли селения опустошенные.

Не слышно в них мычания и блеяния скотины, а разносится только плач испуганных голодных детей, безутешные вопли женщин да бессильное возмущение стариков. Среди черных обугленных бревен бродит какая-то маленькая сопливая девочка, перемазанная кровью, вытирая кулачком слезы, всхлипывает и ничего не понимает, а еле стоящий в изодранных лаптях старик берет ее на дрожащие руки – и она доверчиво прижимается к нему и затихает.

Немногие жители успели скрыться от нашествия. Навьючив на лошадей и побросав в лодки скарб и гоня впереди скот, бежали они, ища спасение, в дремучие леса.

А на месте исчезнувших деревень остались только печальные пепелища, углубления от изб, камни да бурьян.

Многие ушли далеко вверх по Вятке и Ветлуге, куда через непролазные дебри не добирались нукеры хана.

Здесь, в Поветлужье, в яранских, уржумских, малмыжских и шурминских краях, где тогда было еще много диких земель, нашли они пристанище, устраивали починки, заводя новые избы и поля, и селясь вперемежку с вотяками³⁵, новгородскими и вятскими ушкуйниками³⁶ и русскими крестьянами, которые тоже спасались здесь от бесчинств Батые и своих князей.

³⁵ *Вотяки* – старое название удмуртов.

³⁶ *Ушкуйниками* называли ватаги новгородских и вятских речных торговцев – пиратов. Эти сотоварищи Садко промышляли на своих ладьях по Днепру, Волге, Ветлуге, Каме, Вятке, скупая и выменивая пушнину, но при удобном случае по средневековым обычаям не брезгали грабежами других ладей и прибрежных селений.

Под ордынским игом разошлись судьбы марийцев левого и правого берега Волги, – луговых и горных.

Ханская власть в Казани, раздираемая распрями огланов³⁷ за престол, была слаба, – и на местах царило своеволие эмиров и беев, соперничавших в обирании ясачных людей.

Но в непроходимые лесные дебри и болота левобережья, где из-за любого дерева могла пропеть тебе последнюю песню стрела, ханские баскаки³⁸ с отрядами своих тарханов заглядывали редко. Да и чего ради? Велика ли пожива с тамошних тощих земель?

А постоянных казанских чиновников – даруг здесь и вовсе не было. Сбор ясака они перепоручили местным кугуракам, назначив их лужавуями³⁹ и назвав турунами и "сотниками" – по предполагаемому за ними числу ясачных, хотя на самом деле их могла быть не одна сотня. Никто же не считал. Вот сотники половину и больше собранного с мужиков оставляли себе, богатели и набирали власть над другими, усмиряя недовольных теми же татарскими карателями.

Больше проку ханы находили в привлечении марийского ополчения союзником в свои военные походы.

И немало лужавуев, особенно приволжских и ветлужских, соблазнялось возможностью пограбить волжские суда и русские деревни и города, а пленников пригнать в ворота широких круглых башен казанского кремля, под его угрюмые темно-красные стены, и на рынках под минаретами продать в рабство и привезти домой кучу монет и всяких диковинок.

Таким-то путем на ветлужских хлебных землях разжился и набрал силу злой кугурак Тюкан Шуром⁴⁰.

По примеру казанцев возмечтал Рогач стать беем, обложил окрестных мужиков ясаком в свою пользу и отбирал у них невест себе в забаву на первые три ночи, а потом, опасаясь, что собственные сыновья его свергнут, резал их первенца и творил другие обиды.

³⁷ Царевичи от разных жен умершего хана.

³⁸ Сборщики ясака.

³⁹ Лужа – сотский + вуй – голова.

⁴⁰ Букв. – Рогатый Рогач.

Не раз марийцы бунтовали против него, не раз подкарауливали его убить. Да ловок и коварен был Шуром, все мятежи проваливались, злодей скрывался, а потом возвращался с казанскими карателями. Вот и пошел слух, что спрятал он свою душу где-то у Ена и стал бессмертным. Ничто его не берет, ни меч, ни стрела, ни яд, ни огонь. Только смеется он над бессилием притесненных.

Для своей защиты построил он на высоком холме при впадении Пижмы в Вятку крепость Кукарку⁴¹ обнеся ее валом, часоколом и рвами.

Как-то донесли Шурому, что его побратим – приемный сын красавец Акмазик и его дочь Анавия любят друг друга, и, трясясь за себя, замыслил Рогач убить даже его. Хорошо совет старейшин родов – кугызов встревожился и не поддержал злодея.

Молодые же бежали из крепости и спрятались в глубоком темном овраге, в отчаянии плача и распевая горькие песни.

А умер Шуром в бане, когда его дочь прокралась в предбанник и похитила из его одежды кошель с деньгами. Должно быть, в нем-то и прятал он свою душу.

Как радовались вятские марийцы, когда вождем стал Акмазик. Отменил он право первой ночи и убиение младенцев.

Так тяжела стала жизнь лугового левобережья, но не в пример страшнее была доля правобережья: мордвы, чувашей, горных марийцев. Их земли были жирнее и плодоснее, поэтому леса кругом повыкорчеваны, разрежены полями и не давали защиты от баскаков.

Наоборот, удобные речные пути по Волге и Суре открывали крестьян пришельцам – и эмиры, беи, мурзы разоряли их кормлением, постоями, извозами, строительными и военными повинностями и драли ясак не по разу, забирая зерно, скот, меха, полотно, мед, лучших женщин уводили в гаремы, а детей – в рабство.

Для надежности хватали они старейшин рода в заложники и, если ясак до последнего мешка овса и проса и до последней белки не привезен, их казнили мучительной долгой смертью – сажали на острый кол.

⁴¹ Куку Карка – большая гора. Ныне Советск Кировской области.

Но еще большим лихом оказалось расположение горных земель между молотом и наковальней, как раз между русскими княжествами и степными кочевниками – и обе стороны в своих военных походах шли через них, неся страх, разорение, надругательства и запустение. Поголовная резня, отрезание носов, щек, рук, виселицы и тому подобные зверства были в обычае тех ожесточенных времен.

За столетия этих взаимных нашествий все пограничье от Камы и Казани до Мурома, Владимира и Вологды обезлюдело.

После разгрома Казанского ханства из него только через один Свияжск на Русь вернулось более сотни тысяч пленных – рабов, а еще несколько сотен тысяч, получив в Поволжье землю, осталось здесь крестьянствовать. А всего-то населения на Руси было тогда миллионов шесть.

Все Поволжье стонало от этих нескончаемых кровопролитий.

И взывали мари́йцы на молениях к всевышнему:

– Добрый наш Юмо, услышь нас, приди к нам и защити нас от разорения и поругания окаянными слугами Ена. За что отринул нас? Чем мы тебя огорчили? Прости нас за оскорбление твоего сына Чимбулата. Уговори его вернуться к нам. Прекрати раздоры наших кугураков. Устыди малодушных и алчных, ушедших на службу к хану сотниками и тарханами. Собери нас в одно грозное войско! Верни оробевшим мужество и твердость! Когда воспрянем ото сна? Когда восстанем и освободимся?

Вздыхая о прекращении войн и воцарении порядка, волжане с завистью смотрели на Русь: собрала она свои земли под рукой одного царя, стала сильна единовластием и выгнала ордынцев. И мечтало Поволжье перейти в подданство Москвы.

Да и само Казанское ханство сотрясал раскол между пришлыми кочевниками и местными оседлыми татарами.

Эмиры и беи из крымчан, ногайцев и астраханцев приходили с тысячами своих степных головорезов.

Нескончаемые стычки между родовыми кочевьями приучили этих всадников к грабительским набегам. Не знают они ничего веселее, чем лететь в погоню или в атаку, легши на гриву коня, с гиком, свистом и завыванием, чем вероломно сразить поверившего им и жадно схватить его добро, чем запугать чужака

своей быстрой и страшной жестокостью: чуть что – нож к горлу, – и гордятся своими кровавыми нравами как подвигами, видя себя могучими и грозными воинами.

И, впрямь, эти герои смерти в бою не боялись: быстра она да и, авось, пронесет, зато добыча и слава заманчивы.

Только в плену они бледнеют лицом и стучат зубами от страха перед медленной мучительной казнью и бросаются униженно целовать ноги, впрочем, и тут в любой удобный миг готовые внезапно ударить ножом. Прежде-то была не гордость, а кичливость, не мужество, а молодечество.

Эту пришлую степную знать и их воинство влекли обогачительные набеги на Русь, после которых они всегда могли скрыться от преследования, умчаться в свои бескрайние степи.

Но местная татарская знать и черный люд от войны больше теряли. Она разоряла ясачных крестьян, ремесленников и купцов, а тем самым отбирала и доходы мурз и беев. Каждый поход требовал новых поборов и повинностей, отрывал ополченцев от пахоты, жатвы, торговли и сменялся встречным походом русских ратей на Татарию, а бежать от него оседлым трудягам было не с руки.

И все больше коренных татар становились сторонниками мира и торговли с Русью и враждебны к началу своих бед – степнякам.

Вражда татар и кочевников раздирала ханство династическими заговорами и грызней между огланами, эмирами, мурзами. Одни искали поддержки у русского царя, другие – у ногайцев и крымчан, – и ханы менялись чуть не каждый год.

То царь посадит в Казани на престол какого-нибудь Мухамеда Эмина, Шах Али или другого своего ставленника и изгонит степняков, то ногайцы и крымчане его свергнут, посадят своего хана и устроят в городе резню всех замеченных в добротстве к Руси – и тысячи их валяются с отсеченными головами или корчатся на кольях, а другие тысячи татарских беев и тарханов перешли на службу к царю и переселились в Москву или в Касимов⁴².

⁴² Город на Оке, подаренный Василием II казанскому хану Касиму, бежавшему из Орды и принятому на русскую службу.

Сами казанцы четырежды восставали против кочевников, расправлялись с ними и просились в Россию, но ее бездействие из-за боярской смуты позволяло степнякам возвращаться.

Однако когда мальчик-царь Иван, наконец, возмужал, поприжал бояр и собрался воевать Казань, восприяли духом татарские сторонники Руси, а чувашаи, мордва, горные марийцы тайно отправили в Москву своих послов с предложением союза. От марийцев к царю ходил легендарный кугурак Акпарс из илема⁴³ Чермыш⁴⁴ близ Елас.

Когда в начале лета с галдежом и скрипом подошло необъятное русское войско, волжане всеми силами помогали ему лошадьми, лодками, проводниками, дарили и продавали съестные припасы и фураж, ставили сторожевые посты и дозоры, настилали по грязи гати, чинили мосты и строили переправы и опорные крепости.

Воздвигнуты были тогда Курмыш, Васильсурск (на месте торжка Шур) и Свияжск – и волжане, стуча топорами, трудились на возведении их башен, обнесении их рвами, валами и частоколами.

Как и обещали царю, собрали они также свои ополчения. По горному берегу ханские отряды преследовало марийское войско под водительством Акпарса, прозванного так⁴⁵ за ум и смелость, а по луговому берегу – кугураков Иланда⁴⁶ и Сяра.

И чудилось им, впереди них в тумане гремит копытами огромный гнедой конь, сверкают белый меч и алый щит, то скачет грозный богатырь в сияющем шлеме – Чимбулат.

После победы за верную службу наградил царь своих союзников богатыми подарками, а земли оставил преданной ему части местной знати и за местными крестьянами, ставшими "царевыми людьми". Все правобережье на много лет вперед было во все освобождено от ясака, а левобережью жаловано его снижение. Тысячи марийцев, чувашей, татар, удмуртов поступили на

⁴³ Илем – сельбище, хутор из нескольких усадеб.

⁴⁴ Теперь – Чермышево.

⁴⁵ Акпарс – седой барс, ак – белый.

⁴⁶ Кугурак из Кукарки.

царскую службу казаками – тептерями⁴⁷ в крепостях и на охране уральских и западных границ.

Но не обрадовала царская милость луговую сторону, особенно сотников. При ханах-то сбор ясака в заволжской глуши был доверен как раз им и позволял хорошо богатеть, а царские воеводы сами обосновались здесь и навели порядок: всех-то "черных людей" пересчитали и переписали и установили "прямой ясак", оставив сотников ни с чем. Не понравился порядок и простым мужикам.

Даже сниженный ясак с тощих подзолов да песков левобережья платить было тяжело. Но совершенно невыносим стал чиновничий произвол.

Царь милостив, да далеко, а воеводы рядом и с ними пронырливые дьяки, подьячие, приставы, головы, писари, толмачи, рассыльные, стряпчие и у всех семьи, и, хоть царь запретил кормление, но ведь все есть хотят, да вкусно, да еще бы и разбогатеть, а жалование из Москвы задерживается, казна уходит на ливонскую войну.

И заматерели чиновники в истязаниях мужиков ради вымогательства себе взяток и лишнего ясака, и не стало правды в крае.

Ради своей корысти оказались многие луговые кугураки преданней хану, чем сами татары.

Уже половина жителей осажденной Казани сбежала из города на сторону царя. Ни ногайцы, ни башкиры не осмелились помочь хану, а несколько тысяч марийцев осенью пришли ему на выручку, нападая с тылу на осаждавшие город русские, мордовские, чувашские, татарские и горномарийские рати.

Уже сами татарские крестьяне переловили полторы тысячи своих аристократов, из тех, что через год затеяли мятеж против Москвы, и прямо перед глазами воевод сами их зарубили, а луговые марийцы яростно сражались, уповая на поддержку татар и отправляя зазывных послов в Сарайчик, Бахчисарай и даже в Стамбул.

Не прошло и двух месяцев после разгрома ханства, только первый снег забелил замерзшую землю, а луговые мужики отка-

⁴⁷Тептяри – особое воинское сословие крестьян.

зались платить ясак, а его сборщиков и два отряда посланных против них стрельцов и казаков перебили.

Тысячи повстанцев осадили Казань и Свияжск и начали новый поход на муромские и нижегородские земли.

Но, к их удивлению, правая сторона их не поддержала. Ни горные марийцы, ни чувашаи, ни татары не захотели возврата к ханским опустошительным войнам и вместе с тридцатитысячным русским войском пошли в карательный поход против луговых повстанцев, разоряя их деревни. Горномарийские воины сотника Алтыша заманили предводителя восставших сотника Мамич-Бердея на пир и внезапно перестреляли и перерезали его сопровождение, а его самого схватили и отвезли в Москву.

А от ногайцев пришла на луговую сторону жалкая помощь – всего-то сотни три всадников во главе с огланом Ахполбеем.

Да и те смотрели на марийцев свысока, видя в них не союзников, а подвластный народ, пиروвали, пьяные рыскали по деревням, грабили и угоняли скот, а от сражений с русскими уклонялись. Терпели-терпели этот разбой мужики – да и перебили союзников, а голову глупого принца водрузили царствовать на кол.

Так раскололось Поволжье. Шел татарин на татарина и мариец на марийца.

Не раз собирался народ на берегу Немды на могиле Чимбулата, устраивали карты большие моления, прося богатыря-заступника явиться к ним и спасти их свободу. Но не вышел сын Юмо. Ни на чью сторону не захотел он встать в братоубийственной войне.

И все же восстание не прошло никчемным. Через три года сражений Иван Грозный освободил-таки от ясака также и луговых марийцев – и волнения улеглись. Правда, не навсегда. Истощение Руси опричниной и ливонской войной требовало все новых средств – и через двенадцать лет ясак был возобновлен, но с ним и возмущение.

За сорок лет четырежды поднимались луговые мужики на отчаянную борьбу. Было тогда марийцев всего-то тысяч сто и не меньше четверти из них полегло в ужасах этих кровавых "черемисских войн": в сечах, от рук карателей, от пожаров, неурожаев, голода, болезней и увода в плен. Но в этом ожесточении

сложили головы также тысячи русских, чувашских, татарских и горномарийских воинов, разорены сотни русских деревень на Волге, Ветлуге и Вятке.

Для закрепления победы в центре каждого мятежного воступления воеводы ставили крепость с валом, частоколом, стрельнями, бревенчатыми башнями, пушками и воинами, вооруженными пищалями и длинными бердышами, а в соседних деревнях селили служилых стрельцов, казаков и тарханов, впрочем, не отказывая и ватагам беглых от бар русских мужиков. Людей-то не хватало.

Так были воздвигнуты Кокшайск и Козьмодемьянск (на месте марийского торжка Чикма⁴⁸) – для прекращения волжских разбоев, – а в глубине Заволжья – Царьград⁴⁹ на Кокшаге, близ "Тутаева", а севернее – Санчурск и Яранск.

Лишь Борис Годунов умиротворил край. Понял он, что все марийское озлобление и бунты – от алчности воевод и городничих – и снизил и упорядочил подати и повинности да даровал мужикам право на самоуправление – самим выбирать деревенских старост, включать в суды своих местных выборных и жаловаться на притеснения в обход воевод напрямую царю.

Так и не завелось в марийском Заволжье ни крепостного права, ни помещиков. Остались мужики за казной, "государевыми". На весь край набиралось разве что с десятков – другой дворян, да и те приезжие и обычно не помещики, а из чиновников. Исключением был граф Шереметьев с роскошным поместьем в плодородном устье Ветлуги, да еще русская деревня Княжна (близ Царьграда) петровского сподвижника князя Федора Ромодановского, впрочем, умершего без наследников, так что и эти земли вновь вернулись в казну.

Главное же – со вступлением Поволжья в Россию остановились здесь столетние опустошительные войны и начался подъем его хозяйства, торговли и культуры.

Многое переняли сметливые марийские мужики от русских: огородничество, трехполье, рожь, лен, гречиху, молотильные

⁴⁸ По-мар. укрепленное городище

⁴⁹ Царьград на Кокшаге, по-мар. Чарла, от чар – царь + ола – город, Царевкокшайск, ныне Йошкар-Ола, букв. – красный, красивый город.

цепы, водяные и ветряные мельницы, большие кирпичные печи с дымоходом, сменив черные закопченные куды на белые избы с большими сенями, стеклянными рамами и с крытыми воротами.

Позже вместе со всей Россией осваивали они садоводство, картофель, свиноводство, лесопиление, заводили самовары, тарантасы, чугунную посуду, настенные часы, керосиновые лампы и прочие заводские вещи. По экспорту в Европу ржи Вятская губерния вышла на первое место в России.

Еще при императорах была создана марийская письменность и по деревням открыты сотни начальных школ, а из наиболее прилежных марийских детишек готовили священников, учителей и чиновников.

Пришла иная жизнь, иные обычаи.

Прощай, старинный мир приволья и наивности, доброго Юмо и прекрасной Юмидырь. Теснит тебя бурный мир расчета, силы и торговли, гулких городов и крикливых поездов, заносчивый шик науки и техники, – новая жизнь.

И кто знает, какая? Может быть, страшная? А, может быть, прекрасная?

Но уж точно не та. Прежней больше не будет.

Да уже и нет.

Невозвратная, ты таишься лишь в памяти сердца и, кажется, будто витаешь где-то в сумерках полей и в белом блеске ромашковых лугов. Да разве что теплишься в глуши серых деревенок, дремлющих на солнце в тени берез, черемух и рябин.

И преданные милой старине простодушные и неторопливые обитатели этих тихих, точно мечтание, селений угасают вместе с ними.

Власть царских чиновников была не сладкой. Женщин и детей они в рабство не брали, но за неуплату подати, уклонение от строительных и дорожных повинностей или бегство от солдатской службы били жестоко.

Но крестьяне, русские, марийские, татарские, чувашские, давно забыв старые обиды, жили на Волге в добром согласии между собой, часто в одних деревнях, дружили и роднились семьями, ценя и уважая языки и обычаи друг друга. Не раз вместе бунтовали, поддерживая и Болотникова, и Разина, и Пугаче-

ва; вместе потом бежали от карателей, переселялись от притеснений чиновников и попов в леса по Вятке, Каме, Белой; вместе любили, созидали и не раз спасали от чужеземных нашествий свою Россию, деля ее и горе, и радость и свято чтя память ее героев – чимбулатов.

Одна судьба в одной родине связала их души.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	3
1. <i>Творение мира</i>	5
2. <i>Творение человека</i>	9
3. <i>Сказ о Вóдыже</i>	12
4. Сказ о Тулёрте	15
5. Как женщины стали прекрасными	17
6. <i>Сказ о Пиршо</i>	19
7. Онар	22
8. Сказ о Сайене и Сави	26
9. Охотник Маска́	28
10. <i>Кугéче и береза</i>	33
11. Сказ о Таире	40
12. <i>Избавление от Ена</i>	42
13. <i>Вознесение Юмо</i>	44
14. <i>Луницы</i>	50
15. Воскресение Ена	53
16. Азырен	59
17. Житие и проводы Ильи	62

18. Юмов стул	71
19. Разговоры с богами	74
20. Сказ о Шипе	79
21. Спасение от кереметя	80
22. Пимбар и кереметь любви	83
23. Прекрасная Юмидырь	87
24. Волго	92
25. Чой	108
26. Сказ о Пампалче	116
<i>Легенда о Чимбулате</i> . Вместо эпилога	121
<i>Примечания</i>	135

О приобретении и издании типографских книг
обращаться по адресу:

kokurin@nextmail.ru newfrost@inbox.ru или
libraev@mail.ru